

БАРБАРА БЕНЕДИКТ

До конца своих дней



Барбара Бенедикт

До конца своих дней

OCR Roland; SpellCheck Афина Паллада
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160001

До конца своих дней: АСТ; Москва; 1997
ISBN 5-7841-0354-7

Аннотация

Прекрасная Гиневра Маклауд, дочь разорившегося плантатора, обещает себя в жены победителю рыцарского турнира в надежде, что им станет ее давний возлюбленный. Но неожиданно для всех турнир выигрывает простой арендатор Раф Латур. Девушка наотрез отказывается сдержать слово, и тогда Раф похищает ее.

Неистовая любовь зарождается точно дикий цветок в глуши Луизианы – любовь, от которой невозможно ни бежать, ни отвернуться.

Содержание

Часть Первая	4
Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	47
Глава 4	73
Глава 5	98
Глава 6	124
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Барбара Бенедикт

До конца своих дней

Часть Первая

Глава 1

Еще чуть-чуть.

В ноздри Гиневры Элизабет Маклауд ударил запах морской воды, и она впервые за много дней улыбнулась. Еще несколько шагов вверх, и она будет на палубе. Подняться по крутым трапам наверх из своей дешевой каюты прямо над трюмом, да еще с саквояжем в руках было нелегко, но после пяти лет жизни в Бостоне и нескольких недель на пароходе Гинни твердо решила не пропустить минуты, когда они войдут в устье Миссисипи и на горизонте покажется Новый Орлеан.

Она уже почти дома.

При мысли о возвращении в отцовский дом у нее радостно замирало сердце, и она дала себе твердый зарок больше никогда оттуда не уезжать. Чего бы это ей ни стоило, даже если придется собрать все свое упрямство и непокорность или даже закатить сцену, которые так сердили маму, Гинни

все равно докажет им, что Розленд не просто ее дом. Это ее мечта, ее Камелот¹, где она собирается остаться навсегда.

Полная радостного предвкушения, она полной грудью вдохнула воздух и ступила на палубу. Но берега не было видно – его заволокло густым влажным туманом. Кое-где туман завихрился, прохладный утренний бриз, видимо, пытался его разогнать, но это у него не получалось. Зато он сумел сдуть набок шляпку Гинни и разлохматить ее старательно причесанные кудри.

Она огорченно поставила на палубу саквояж и принялась приводить волосы в порядок. Она потратила на них столько времени, чтобы сойти с корабля в самом лучшем виде! Неизвестно, кто придет ее встречать, но Гинни надеялась, больше того, молила Бога, чтобы папа прислал Ланса.

При мысли о красавце соседе у нее забилося сердце. Ланс и Розленд в ее воспоминаниях были неразделимы. Ей казалось, что Ланс был в ее жизни всегда – сначала как прелестный мальчик, ее рыцарь и защитник, потом как красавец – юноша, поклявшийся ей в вечной любви.

Гинни наклонилась, чтобы поднять саквояж. На губах ее играла полуулыбка. Какие это были счастливые дни! Она с Лансом и другими детьми окрестных плантаторов тогда играли в двор короля Артура. Это был их особый мир. Белоку-

¹ В романе часто проводятся аналогии со сказаниями о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Камелот – место, где находился предполагаемый двор короля Артура. – Здесь и далее примеч. перев.

рая Гинни, естественно, была королевой Гиневрой. Другие роли она распределяла сама в зависимости от настроения, но Ланс всегда был сэром Ланцелотом, знаменитым рыцарем Круглого стола. Когда надо было выиграть битву, убить дракона или победить недруга, ей было достаточно только взглянуть на своего верного рыцаря.

Остался ли Ланс ей верен? Гинни подошла к парапету. Столько всего случилось за эти пять лет, столько всего изменилось – может быть, она и его потеряла? Столько сомнений, столько вопросов, на которые она не знает ответа... Если бы волшебник Мерлин² приоткрыл завесу над ее будущим! Пока оно скрыто в таком же густом тумане, как тот, что лежит над морем.

Гинни стояла у парапета, плохо себе представляя, сколько еще осталось до берега. В тумане вдруг возникла призрачная тень стройной мачты, но так быстро исчезла, что, может быть, она просто привиделась Гинни. Все звуки были не похожи на обычные – даже крик чайки и плеск воды о борт корабля. Запахи тоже казались незнакомыми. Ей представилось – у Гинни было богатое воображение, – что она плывет одна в лодке по воле волн и сейчас приближается к какому-то незнакомому, чужому берегу.

Я в доброй старой Англии, с улыбкой подумала она, вспомнив, как они, бывало, утром играли в таком же тумане, воображая, что в нем скрывается замок короля Артура.

² Персонаж сказаний о короле Артуре

Заколдованная страна, страна, где осуществляются мечты, — так они называли свое воображаемое королевство. В те далекие годы Гинни стоило только закрыть глаза, и она оказывалась в этом волшебном мире.

— Лодка, отвези меня в Камелот, — прошептала она.

И вдруг как по мановению волшебной палочки Мерлина налетел порыв ветра и вихрем закружился вокруг нее. Гинни схватилась за шляпку. В облаках на секунду проглянуло солнце, проступила линия побережья, и наконец она увидела вдали поднимающийся из тумана город.

Унесенная мечтами в сказочный мир, Гинни вообразила, что перед ней предстанет средневековый английский город с башнями и крепостными стенами, и реальность разочаровала ее. Нет, это был не Камелот. Это был европейского облика город с красивыми зданиями и решетками из узорного чугуна. И тут Гинни поняла, как она соскучилась по Новому Орлеану. На авеню Святого Карла она впервые была представлена на балу, на Кенел-стрит они пели и танцевали во время карнавала Марди-Грас, а под дубами в Сити-парке ей сделали первое в ее жизни предложение.

Гинни вспомнила тот счастливый день, и у нее кольнуло на сердце. Как радостно она бежала домой рассказать родителям эту замечательную новость, ни на минуту не предполагая, что они воспрепятствуют осуществлению ее сокровенной мечты. Она же была их драгоценным ребенком, и ей никогда ни в чем не было отказа.

Но они не согласились на ее брак с Лансом, и через несколько часов волшебная сказка превратилась в кошмар. Как могло случиться, что все ее надежды и мечты кончились таким горем?

Гинни вдруг осознала, что мертвой хваткой держится за перила, и выпустила их, чтобы пригладить дорожное платье. Ничего, решительно сказала она себе. Что было, то прошло. Лучше все это забыть.

– А, вот ты где, Принцесса!

Гинни отнюдь не обрадовалась, услышав громкий голос Элеоноры Тиббс, своей соседки по каюте, которую она не предполагала с кем-нибудь делить. Высокая грузная женщина с седыми волосами и одетая тоже во все серое, Элеонора была похожа на дредноут, прокладывающий путь среди людских волн по направлению к Гинни. Девушка торопливо посмотрела направо и налево – нельзя ли сбежать?

– Подожди! – гаркнула миссис Тиббс, хватая ее за руку. – Нам надо выяснить отношения. По-моему, ты все еще на нас дуешься, Принцесса.

Гинни ненавидела это прозвище, которое благодаря миссис Тиббс прилипло к ней на пароходе.

Теперь с большим запозданием Гинни поняла, что в тот первый день, когда пароход вышел в рейс, ей не следовало требовать свежее постельное белье, но она была в шоке, увидев, какую маленькую ей отвели каюту. Она провела детство на плантации отца, а последние пять лет жила в особняке те-

ти Агаты на Бикон-Хилл в Бостоне и привыкла пользоваться всеми благами жизни. Откуда ей было знать, что на пароходе никогда не меняют белье и что свежее белье, как и свежая еда, считается на нем неслыханной роскошью.

Возможно, она тогда слишком уж расшумелась, но кто бы на ее месте не поднял шум? Она привыкла, что ей полагаются определенные удобства, а на этом пароходе их и в помине не было. Так что нечего было капитану и всей команде насмехаться над ее требованиями, а пассажирам прозывать ее «Принцессой».

– Меня зовут Гиневра Элизабет, – в сотый раз сказала она миссис Тиббс. – И, пожалуйста, дайте мне спокойно полюбоваться Новым Орлеаном.

– Много ты в этом тумане увидишь! И у меня к тебе разговор на две минуты. Надо же нам договориться о Лиле Сэмпсон.

Гинни сердито вспыхнула. Тетя Агата наняла робкую Лилу Сэмпсон в Бостоне ей в горничные, но миссис Тиббс с самого начала стала пользоваться ее услугами. В течение всего плавания Гинни приходилось без конца напоминать своей соседке по каюте, что Лиля – ее горничная, однако этим утром миссис Тиббс заявила, что Лиля после высадки на берег поступит в услужение к ней, Элеоноре Тиббс.

– Не вижу, о чем тут договариваться, – проговорила Гинни, стараясь не выдать обиды. Ее не очень удивила бесцеремонность миссис Тиббс, но измена Лилы ранила ее до глу-

бины души. Что же это ее все покидают?

– Как будто ты не сможешь найти себе другую горничную, – продолжала миссис Тиббс, притворившись, что не слышала слов Гинни. – И я могу тебе в этом помочь. Я вовсе не хочу оставлять тебя одну, когда тебя и так ждут тяжелые испытания.

– Честное слово, миссис Тиббс, я не могу понять, почему вы упорно твердите о каких-то испытаниях. Я вам тысячу раз говорила, что никакие испытания меня не ждут.

– У тебя скверная привычка, Принцесса, видеть только то, что тебе хочется, – сказала миссис Тиббс, нахмутив седые брови над пронзительными серыми глазами. – От реальности не уйдешь, притворившись, что ее нет.

– Реальности? – высокомерным тоном сказала Гинни. – А что вы, собственно, знаете про мою жизнь?

– Я знаю то, что видят мои глаза. Ты не плыла бы на этой старой посудине в каюте третьего класса, если бы у тебя все было хорошо.

– При чем здесь это? В сезон посадки тростника папе дыхнуть некогда. Он считает, билет на пароход куплен – и ладно, а все остальное не заслуживает внимания. Видимо, он просто не понял, что купил билет на такое захудалое суденышко, – сказала Гинни, презрительно, окинув взглядом заполненную пассажирами палубу.

Миссис Тиббс посмотрела на нее с жалостью.

– Тогда зачем же он велел тебе возвращаться домой и вы-

ходить замуж?

Гинни не хотела вдумываться в этот вопрос. Господи, зачем только она рассказала соседке про папино письмо?

— Если бы вашей единственной дочери было бы двадцать два года, — отрезала она, — вам тоже хотелось бы, чтобы у вас в доме скорей начали бегать внуки.

Так истолковала приказ отца добрая тетя Агата. Но Гинни, помня, как они расстались с отцом пять лет назад, подозревала, что ему меньше всего хочется видеть у себя в доме ее детей.

— Может быть, и так, — с недоверчивой улыбкой проговорила миссис Тиббс. — И все равно я беспокоюсь за тебя. Пожалуйста, разреши мне найти тебе новую служанку.

— У меня была прекрасная служанка, миссис Тиббс. Не надо было ее переманивать!

Миссис Тиббс воззрилась на Гинни с искренним удивлением.

— Кто ее переманивал? Она сама попросилась ко мне на службу.

— Вот как? И чем вы ее подкупили?

— Мне не было нужды ее подкупать. Если бы ты перестала судить о людях по их внешности, ты бы поняла, что нам с Лилой было суждено подружиться. В человеке вовсе не самое главное одежда и выговор, Принцесса. Попробуй это запомнить.

Гинни вспыхнула от негодования, и эта... эта особа еще

смеет указывать, что ей надо помнить!

– Мне и так ясно, что вы обо всем договорились у меня за спиной. Так, может, не будем устраивать перебранку на людях? У меня нет желания воевать с вами из-за какой-то служанки.

– Вот этим мы и отличаемся друг от друга. Разве ты не знаешь, детка, что за все хорошее в жизни приходится воевать?

С этим Гинни, может быть, раньше и согласилась бы – когда она была молода и лишена принципов, до того, как мама...

– Настоящие леди не устраивают сцен, – назидательно сказала она.

Миссис Тиббс покачала головой.

– Такой леди, как ты, сцен устраивать не приходится. Когда случается какая-нибудь беда, она просто убегает, а бороться предоставляет другим. Но предупреждаю тебя, нельзя всю жизнь полагаться на других, Принцесса. Будешь убегать от трудностей – в конце концов убежишь от самой себя.

– Никуда я не убегаю... – Гинни умолкла на полуслове, стоит ли препираться с этой женщиной? – Извините, – сказала она, решительно отводя взгляд. – Но я хотела бы быть одна, когда покажется мой родной город.

Гинни услышала, как миссис Тиббс с сожалением вздохнула.

– Фантазии, конечно, замечательная вещь, девочка, но

нельзя позволять им заслонять действительность. Смотри, как бы мечты не заставили тебя совершить ту же ошибку, что и твою тезку. Вспомни, что Гиневра выбрала себе неподходящего мужа, и в результате Камелот был разрушен.

Миссис Тиббс заковыляла, переваливаясь, как утка, а Гинни с трудом удержалась от того, чтобы не высунуть ей вслед язык. Нет, леди не должна гримасничать, как рассерженный ребенок. Да к тому же именно язык, который Гинни не сумела вовремя попридержать, дал миссис Тиббс оружие против нее. В одну из долгих ночей, лежа без сна в темноте, Гинни поддалась минутной слабости и рассказала миссис Тиббс о своих мечтах и фантазиях. А эта не отличающаяся тактом женщина теперь использует ее откровенность против нее же.

Да что она знает? Гинни никуда и ни от чего не убегает. Она осознала свои прошлые ошибки и сполна их искупила. Да, она полностью загладила свою вину, разве она не стала воспитанной леди, такой, какой могла бы гордиться мама? Она приняла свое место в мире, правила, которыми должна руководствоваться леди, ожидания, которым она должна соответствовать. Да что там, когда она уезжала из Бостона, тетьа Агата заявила, что о более воспитанной и благонаправной племяннице она не могла и мечтать.

Эта оценка породила в душе Гинни надежду, что и папа будет ею доволен. Когда Джон Маклауд увидит, что из нее получилась настоящая леди, что она смирила свою вспыль-

чивость и несдержанность, он забудет прошлое, обнимет ее и назовет своей маленькой принцессой.

Поэтому Гинни и сняла с шеи мамин медальон и спрятала его в саквояж. Она всегда носила этот медальон – единственное, что еще связывало ее с мамой, – но встреча с отцом после пятилетней разлуки и так будет не простым делом, и она не хотела напоминать ему о той, которую они потеряли.

Гинни, хмурясь, вспомнила его письмо. Оно тоже лежало в саквояже. Все в порядке, твердила она себе, но внутренний голос, похожий на голос миссис Тиббс, нашептывал ей, почему это папа вдруг решил, что она должна выйти замуж? И почему письмо от его имени написала Эдита-Энн?

Гинни старалась подружиться с двоюродной сестрой, но с того дня, как в их доме поселились дядя Джервис с дочерью, все изменилось к худшему. По мнению Гинни, ее родители придавали слишком большое значение манерам Эдиты-Энн и чересчур уж старались укротить своего сорванца Гинни. Сколько раз Аманда Маклауд говорила дочери: «Посмотри, какие прекрасные манеры у Эдиты-Энн, как она умеет себя вести». И хотя она ни разу не сказала вслух: «Ну почему ты не можешь быть такой, как она?» – Гинни не сомневалась, что она так думала.

И никто не замечал, какая Эдита-Энн притворщица и лицемерка и как она злорадствует, когда Гинни наказывают за какой-нибудь проступок. Неужели кузина сама сочинила письмо от имени папы? Нестерпимо думать, что он разреша-

ет ей вмешиваться в свои личные дела. Она вполне способна подать отцу мысль, что замужество укротит Гинни, а потом предложить какого-нибудь омерзительного типа в качестве мужа.

И уж, конечно, не Ланса, со вздохом подумала Гинни. Ланс Бафорд-старший, отец Ланса, был неисправимым картежником и не оставил сыну в наследство практически ничего, кроме своего шарма. Что с того, что лихой красавец Ланс заставляет трепетать девичьи сердца, – папа никогда не отдаст единственную дочь за нищего.

Тогда за кого же? Одного из братьев Самнеров? И Роберт и Дру хороши собой, а их дом почти так же великолепен, как Розленд. А может быть, стоит подумать о Бо Аллентоне, который ухаживал за всеми девушками подряд? Он страшно нравился Эдите-Энн. Чего она только не придумывала, чтобы обратить на себя его внимание! Вот и поделом ей будет, если ее драгоценного Бо уведут у нее из-под самого носа.

Но Гинни не хотела замуж ни за Бо, ни за Самнеров. Если ей не разрешат выйти замуж за Ланса, она вообще ни за кого не пойдет. Он был ее Ланцелотом, ее героем, и у нее в жизни остались только две привязанности – Розленд и Ланс. Разве он не поклялся тогда под дубами пять лет назад, что, даже если ее все покинут, он будет по-прежнему ей верен и предан до конца своих дней.

Господи, хоть бы он не забыл эту клятву! Стиснув руки, Гинни вглядывалась в толпу, заполнившую пристань, выис-

кивая его красивую золотистую голову. Она оправила свое зеленое дорожное платье и еще раз пожалела, что не может предстать перед ним в более привлекательном наряде. Но два других платья, которые лежали у нее в саквояже, так сильно измялись, что их надо сначала погладить и подкрахмалить; кроме того, они надеваются на вошедшие в моду фижмы. В общем, кроме этого платья, Гинни надеть было нечего. Остальной ее гардероб помещался в сундуках, которые лежали в багажном трюме. Если к тому же учесть, что Лила сбежала от нее к миссис Тиббс, остается только радоваться, что она хоть во что-то одета.

У Гинни заныло сердце от желания поскорее оказаться дома. Закрыв глаза, она представила себе, как приезжает в Розленд и бесчисленные папины рабы бросаются выполнять каждое ее желание. У нее будет все – свежeweыглаженные платья, чистое белье, фрукты и овощи прямо с грядки.

– Вот что я еще хотела тебе сказать, Принцесса. Гинни вздрогнула и открыла глаза. Оказывается, пароход уже причалил. Перед ней стояла постылая миссис Тиббс.

– Я хочу оставить тебе свою визитную карточку. Гинни смотрела на карточку с отвращением. Неужели эта особа воображает, что Гинни захочет продолжить их знакомство? Должна же она понимать, что они принадлежат к совершенно разным кругам общества! Но миссис Тиббс этого, видимо, не понимала.

– Тут адрес моего дома в Новом Орлеане, – продолжала

она, помахивая карточкой у Гинни перед носом. – Если тебе понадобится помощь, в любое время приезжай ко мне.

«Вот уж чего никогда не будет, – подумала Гинни. – И вовсе она не хочет мне помочь, а надеется с моей помощью пробраться в высшее общество». Гинни собралась ответить резким отказом, но тут миссис Тиббс, к ее удивлению, ласково взяла ее за руку.

– Я знаю, что мы с тобой не очень ладили, – мягко сказала она, – но меня беспокоит твоя судьба. У меня неплохое состояние и хорошие связи. Если тебе будет нужен друг, пожалуйста, не стесняйся ко мне обратиться.

Она сунула карточку в руку Гинни, и та, потеряв дар речи от изумления, ее взяла. Миссис Тиббс махнула рукой Лиле, которая сторожила ее багаж, и заговорила своим обычным командирским тоном:

– Пошли с нами. Нас ждет карета, и кучер подвезет тебя, куда тебе нужно.

Гинни покачала головой.

– Большое спасибо, но меня встретят. – Разозлившись на недоверчиво поднятые брови миссис Тиббс, Гинни принялась расцвечивать это заявление. – Меня встретит жених. Наверно, стоит прямо у схода.

– Смотри не потеряй мою карточку, – тихо сказала миссис Тиббс и пожала ей руку. – Глядишь, понадобится.

И миссис Тиббс поковыляла к Лиле и своему багажу. Какая кошмарная тетка, подумала Гинни, глядя, как она про-

бивается через толпу пассажиров. Кто-кто, а миссис Тиббс первая сойдет с корабля, и горе тому, кто попытается ей помешать!

Гинни сунула ненужную ей визитную карточку в саквояж и тут же пожалела, что отказалась от помощи миссис Тиббс, – туго набитый саквояж был отнюдь не легкий. Наверно, надо было хотя бы спуститься вместе с миссис Тиббс на причал. Что подумают люди, увидев даму, которой приходится нести собственный багаж?

Гинни посмотрела вслед миссис Тиббс, собираясь ее окликнуть, но они с Лилой уже спустились на берег и шли к ожидавшей их карете. Гинни ничего не оставалось, как взять саквояж и направиться к сходням. Но там пассажиры уже образовали очередь, и ей пришлось долго ждать. Она стояла на жарком солнце, саквояж становился все тяжелее, и Гинни пожалела о рассеянном тумане. Когда она наконец спустилась на причал, там никто ее не ждал. Она сделала несколько неуверенных шагов, но к ней никто не подошел. И тут ещё она увидела, как миссис Тиббс и Лиля уезжают в красивой карете. «Ну и пусть», – сказала про себя Гинни, но ей становилось не по себе, пассажиры разыскивали свои кареты и разъезжались, а она все ждала.

Вокруг не было ни одного знакомого лица, и у нее возникло ужасное подозрение: вдруг папа – не без содействия Эдиты-Энн – забыл за ней послать?

Гинни стало страшно. У нее не было денег, и ей никогда

раньше не приходилось самой заботиться о себе в пути. В городе, без сомнения, есть друзья, которые ей помогут, но она не представляла себе, как до них добраться. Кто-то всегда все устраивал, а она только садилась в поданный экипаж.

Но и здесь оставаться было нельзя. Толпа быстро редела, и стали заметны подозрительные личности, которые всегда крутятся в порту. Мимо проходили кричаще одетые мужчины, в глазах которых при виде ее появлялся хищный блеск. В дверях окружающих домов стояли толстые женщины и глядели на нее с презрительной ухмылкой. «Тебе тут нечего делать!» – казалось, говорили их взгляды, и Гинни была вполне с ними согласна.

Она еще раз оглядела причал, уверяя себя, что за ней обязательно приедут, разве она не заявила миссис Тиббс, что ее жених будет ждать ее у схода? Господи, где же он? Ну пусть хоть кто-нибудь за ней приедет! Она согласна выйти замуж за первого, кто сейчас придет ей на помощь.

– О Мерлин, – прошептала она, испуганно озираясь, – взмахни еще раз своей волшебной палочкой, и пусть появится мой верный рыцарь.

Поначалу она увидела только пристальный взгляд темных глаз. В них было что-то знакомое, хотя Гинни не могла себе представить, где она видела этого Человека. Девушек ее круга тщательно оберегали, им было разрешено общаться только со сливками общества, а мужчина, который мог так нагло и пристально смотреть на незнакомую девушку, явно не был

джентльменом.

Он стоял, опершись о дверной косяк одного из весьма неприглядных портовых заведений, и не спускал с нее глаз. Хотя Гинни знала, что ей следует его игнорировать, она тоже смотрела на него. Он был высокого роста и возмутительно красив. Правильные мужественные черты лица и блестящие черные волосы делали его похожим на « пирата, о котором тайно мечтает каждая девушка из порядочного общества.

На секунду Гинни разрешила себе представить развитие отношений с таким человеком. Тайные встречи, торопливые поцелуи – какая захватывающе интересная игра! Он будет следовать за ней повсюду, а она не станет ему препятствовать, но до определенной черты, рисковать репутацией с подобным проходимцем она не собирается. Играть с таким человеком – это все равно, что играть с огнем, если не соблюдать предельную осторожность, можно обжечься.

Да, рискованная ситуация, но этим-то она и интересна.

Человек, казалось, прочел ее мысли. Его взгляд буквально пронизывал ее, и Гинни вдруг почувствовала в нем угрозу.

Она вздрогнула и огляделась по сторонам, с некоторым опозданием вспомнив, что ее положение и без того внушает опасения. Что это с ней? Стоя посреди улицы, мечтает о романе с каким-то незнакомым плебеем. Вглядевшись в « пирата», она убедилась, что он действительно плебей и действительно ей незнаком. Тогда с какой стати он так фамильярно на нее таращится? Как она может быть знакома с челове-

ком в заплатанной одежде и поношенных, давно не чищенных сапогах?

Испуганная и возмущенная, Гинни так резко развернулась, чтобы избежать его взгляда, что ее саквояж описал широкую дугу. Только услышав звук удара, она поняла, что кого-то стукнула.

– Она меня хотела убить! – заверещал мальчишка, вставая с земли. – Видели? Она хотела столкнуть меня в воду!

– Ничего подобного, – ответила Гинни, ошарашено глядя на мальчишку. Он был до невероятности грязен, словно собрал на себя всю сажу и пыль в Новом Орлеане. – Хотя тебя было бы и невредно бросить в воду, – добавила она, сморщив носик. – Когда ты в последний раз мылся, хотела бы я знать?

– Нет, вы слышите? – вопил мальчишка, обращаясь еще к четырем юным оборванцам. – Сначала она сбивает меня с ног, а потом еще и оскорбляет.

Самый высокий из мальчишек подошел к Гинни с воинственным видом.

– Не очень-то обижайте нашего Джуда!

Гинни не хотелось попадать в историю, и она повернулась, чтобы уйти.

– Эй, подождите! – крикнул мальчишка. – Сначала извинитесь перед Джудом!

Гинни впала в полную растерянность и хотела только одного – поскорее уйти, но мальчишки увязались за ней.

– Эй! – закричал тот, которого звали Джуд, хватая ее за

руку. – Вы что, не слышали, что сказал Патрик? Как вы смаете не обращать внимания на моего брата?

Брат? Это верно, между ними было явное сходство, которое можно было рассмотреть даже под грязью. И у всех были темные волосы и глаза.

– Отпусти сейчас же мою руку, а не то я позову полицию. Шериф тебе покажет, как приставать к незнакомым людям.

– Приставать? – негодуяще вскричал Джуд. – Мы к вам не приставали. Это вы шли, не глядя куда, и сшибли меня с ног.

– Да где ей что-нибудь увидеть! – насмешливо подхватили остальные. – Идет задрав нос и ничего не видит под ногами.

Гинни так разозлилась, что хотела как следует отругать сорванцов. Но вокруг собралась толпа зевак, и она напонила себе, что должна вести себя как леди.

– Пожалуйста, перестаньте кричать, – стиснув зубы, проговорила Гинни. – Не устраивайте скандал на улице.

– Нет, не перестанем, пока вы не извинитесь, – сказал Джуд, который стоял перед ней, скрестив руки на груди и широко расставив ноги. – С какой стати вы меня оскорбили?

Гинни ответила на это новым оскорблением:

– Дайте мне пройти, хулиганье!

– Хулиганье? – закричала вся банда разом. Дальше последовали оскорбительные замечания, касавшиеся ее родителей и ее собственной бесчувственности, но уступать дорогу они ей явно не собирались. Вместо этого они окружили ее и выкрикивали насмешки, чем привлекли еще больше любопыт-

ных.

– Обормоты, – прошипела Гинни. – Куда только смотрит ваша мать?

– Оставьте маму в покое!

К ужасу Гинни, Джуд бросился на нее, размахивая кулаками. Остальные устремились за ним.

Представив, что десять грязных рук сейчас ухватятся за ее зеленое платье, Гинни бросила саквояж на землю и пустилась бежать. Но ей опять кто-то преградил путь. Это уже был не ребенок, а мужчина, потому что она увидела перед собой широкую грудь. Если бы он не обхватил ее обеими руками, она наверняка свалилась бы в воду.

«Мой спаситель», – подумала Гинни. Мерлин таки взмахнул своей волшебной палочкой и прислал ей на помощь отважного рыцаря.

– Ко мне пристали хулиганы мальчишки, – проговорила она, тяжело дыша.

Ее спаситель сделал шаг назад, и Гинни вдруг осознала, что он держал ее в объятиях чересчур долго и прижимал к себе чересчур крепко. Но все равно ей было покойно и уютно на его крепкой теплой груди, и казалось, что он отпустил ее слишком рано.

Однако, подняв глаза и увидев заплатанную рубаху из грубого полотна, она поняла, что ее спас вовсе не Ланс и не другой подходящий кавалер. Перед ней, глядя горящими глазами ей в лицо, стоял тот самый «пират».

Вблизи он показался ей еще опаснее, чем издали.

Он велел мальчишкам убираться, и Гинни не удивилась тому, что они беспрекословно его послушались. Увидев такую оскаленную физиономию, она тоже, наверное, убралась бы подобру-поздорову, бурча возражения под нос, как делали мальчишки. Когда мальчишки оказались за пределами слышимости, «пират» обратил лицо к Гинни. Удивительно, сколько разных чувств может выражать одна и та же физиономия, подумала она. Тут был и гнев, и подозрение, и негодование. Гинни в страхе попятилась.

Но тут у нее за спиной раздался голос:

– Гиневра Элизабет Маклауд, это ты?

Сердце Гинни подпрыгнуло от радости. Она повернулась на знакомый голос. Это был Ланс Бафорд, ее отважный и преданный Ланцелот, который опять пришел ей на помощь в трудную минуту.

Появление Ланса не произвело на «пирата» особого впечатления. Он посмотрел на них обоих с плохо скрытым презрением. Стараясь забыть о том впечатлении, которое он на нее поначалу произвел, Гинни бросилась к Лансу.

Тот обнял ее так осторожно и нежно, словно она была слишком хрупким созданием, чтобы ее можно было сжать в объятиях.

– Что это с тобой? – смеясь, спросил он. – Ты и вправду так рада меня видеть?

– Ланс, ты и не представляешь, что мне пришлось вытер-

петь. Стою тут одна, безо всякой защиты, а ко мне пристают незнакомые люди.

Ланс замер, и, взглянув ему в лицо, Гинни увидела, что он смотрит на незнакомца гневным взглядом. Господи, еще не хватало, чтобы он из-за нее подрался на дуэли, пролил кровь в дурацкой попытке защитить ее честь.

– Нет-нет, не он, – торопливо сказала она и показала на удаляющихся мальчишек. – Вон те хулиганы. Это они ко мне приставали.

– Разрешите не согласиться, – сказал незнакомец густым басом. – Мне показалось, что это вы к ним приставали.

Ланс опять нахмурился и отодвинул Гинни в сторону.

– Если мисс Маклауд утверждает, что она была пострадавшей стороной, я не могу ей не верить.

– Не можете?

– Конечно, нет. Настоящий джентльмен всегда верит даме.

– Возможно, – сказал незнакомец с саркастической улыбкой. – Но, поскольку меня еще ни разу не обвинили в том, что я джентльмен, мне позволительно говорить правду.

Ланс положил руку на бедро, словно берясь за рукоятку меча. Этот жест он часто делал, когда они играли в рыцарей Круглого стола. Гинни испугалась, что чувство чести может завести его слишком далеко, и тронула его рукой.

– Ланс, пожалуйста, не устраивай сцены. Ланс с явным усилием взял себя в руки.

– Я не желаю устраивать публичную перебранку, – холодно проговорил он. – Мне по крайней мере не хочется подвергать мисс Маклауд новым неприятностям.

– Разумеется. Даму надо щадить.

Гинни удивило и почему-то обеспокоило, с какой горечью сказал это незнакомец.

– Ланс, пойдем, – попросила она.

Он предложил ей руку, и она с радостью положила на нее свою. Какое счастье! Сейчас ее отсюда увезут. Однако когда они подошли к карете, Гинни не удержалась и оглянулась.

Незнакомец нагло ей улыбнулся, словно он и не сомневался, что она оглянется. Он все еще стоял на том же месте, скрестив на груди руки и глядя на нее холодным оценивающим взглядом, от которого у нее возникло чувство, будто у нее что-то не в порядке с одеждой.

Гинни крепче взялась за руку Ланса и устремила взгляд вперед, решив, что не позволит этому ужасному человеку испортить ей радостную минуту возвращения домой. Она забудет и про него, и про вызов, который она прочитала в его темных глазах. Теперь она дома и рядом с ней Ланс Бафорд.

Гинни посмотрела на него, и его красота успокоила ей душу. Это был все тот же человек, которого она всегда любила, та же золотистая голова и начищенные до блеска сапоги, тот же герой, который фигурировал во всех ее грезах. Теперь же, когда она стала взрослой, Гиневра и Ланцелот будут править в Розленде, соединившись до конца своих дней.

Как хорошо, что он приехал ее встретить! Может быть, папа передумал? Да если даже нет, разве она не поклялась выйти замуж за первого, кто ее встретит в порту?

Первого джентльмена, поправилась Гинни, еще раз с беспокойством оглядываясь на «пирата».

Глава 2

Ланс подсадил недоумевавшую Гинни в ожидавшую их карету и сам сел рядом. Надо полагать, он знает, что делает, но Гинни не могла понять, зачем им карета, им ведь надо просто сесть на пароход, который идет вверх по Миссисипи. Заметив, что кучер направил лошадей в город, она спросила, удивленно глядя по сторонам:

– Ланс, куда ты меня везешь? Разве нам не надо купить билеты на пароход, если мы хотим добраться до Розленда засветло?

– Не торопись, – ответил Ланс со своей обвораживающей улыбкой. – Я не могу тебе сказать, куда мы едем. Это сюрприз.

Гинни вообще-то обожала сюрпризы, но сейчас ей больше всего хотелось добраться до Розленда.

– Это очень мило с твоей стороны, – медленно сказала она, не желая его обидеть, – но мне надо домой. Я так долго отсутствовала... я хочу увидеть папу. У меня беспокойно на душе.

– Джон в полном порядке, – сказал Ланс, успокаивающе похлопывая ее по руке.

Это, может быть, и успокоило бы Гинни, если бы Ланс не отводил глаза.

– В чем дело? – спросила она, отнимая руку. – Что слу-

чилось?

— Да ничего не случилось, — ответил Ланс с не совсем естественным смехом. — Твой отец... — Он замолчал, потом вздохнул. — Знаешь что, Гиневра-Элизабет Маклауд, ты все испортила. Какое же удовольствие от сюрприза, если ты отказываешься спокойно его дожидаться?

У Гинни заколотилось сердце. Может быть, Ланс не хочет ей говорить, что папа здесь, что это он придумал сюрприз?

— Я бы, может, и согласилась спокойно ждать, — сказала она, бросив на Ланса кокетливый взгляд, — если бы ты сказал мне, куда мы едем.

— Ох, я вижу, ты не отстанешь. Ну ладно, мы едем в ваш городской дом. Удовлетворена?

— В городской дом? — Насколько было известно Гинни, в этом доме никто не жил с тех пор, как... с тех пор, как мама... — Но почему?

Ланс повернулся к ней и сказал с явным раздражением:

— Господи! Да просто мы считали, что после такого долгого и утомительного путешествия тебе захочется провести вечер в городе.

— Мы?

— Мы все заночуем в городском доме. Твой дядя Джервис, Эдита-Энн и я. Ну чего ты скуksилась? Что в этом плохого?

— Ты же знаешь, что бывает, когда вы с моей кузиной оказываетесь под одной крышей.

Ланс покачал головой.

– Я тоже сомневался, сможем ли мы поладить, но последнее время она ведет себя совершенно прилично, просто таки мила.

Гинни улыбнулась.

– Трудно поверить. Помнишь, когда мы раньше играли в Камелот, вы с ней беспрерывно сцеплялись? Никто не умудрялся выводить мою воспитанную кузину из себя так, как ты. Порой мне казалось, что она того и гляди вцепится тебе в волосы.

– И все эти схватки провоцировала ты.

Это было так несправедливо, что Гинни потеряла дар речи.

– Я терпеть не могла эти ваши перепалки, – обиженно сказала она. – Зачем бы мне вас провоцировать?

– Ну-ну, не сердись. – Ланс шутливо поднял руки. – Я просто тебя поддразнил. Обожаю, когда ты начинаешь сверкать глазами.

– Ты вообще обожаешь дразнить людей, Ланс Бафорд. Я бы даже сказала, что Эдита-Энн так бесилась, потому что ты ее без конца дразнил. Мне и самой не раз хотелось вцепиться тебе в волосы.

– Надо мне об этом помнить. – Ланс улыбнулся ей своей особой нежной улыбкой, словно напоминая, что долго на него она сердиться не может. – Все это было и быльем поросло. Мы с Эдитой-Энн пообещали друг другу забыть свои разногласия и постараться, чтобы тебе было хорошо.

У Гинни потеплело на душе – наконец-то она почувствовала, что ее ждут, что ее любят. Жуткое морское путешествие и стычка в порту быстро забывались, как страшный сон. На Ланса можно положиться, он умеет все уладить.

– Знаешь, – со вздохом сказала она, – я беспокоилась, как меня встретит папа, но раз он постарался устроить мне такой прием, то, видимо, он забыл о том... о том, что случилось. – Даже разговаривая с Лансом, она не могла произнести вслух слова «мама умерла».

– Вообще-то Джона сегодня с нами не будет. Гинни словно обдало холодом.

– Не будет?

Ланс погладил ее по руке.

– Только не воображай ничего страшного. Я же говорил тебе, что все в порядке. Просто у него столько дел в Розленде, что он не смог вырваться.

Вечно папа занят на своей проклятой плантации! Сколько Гинни себя помнила, сахарный тростник всегда был для него важнее всего. Важнее единственной дочери. Даже важнее жены.

– Не надо кукситься, – ласково сказал Ланс. – Гляди, мы приехали.

Карета остановилась перед воротами из витого чугуна. За ними виднелся городской дом Маклаудов. У их более практичных соседей дома стояли близко к улице, но резиденция Маклаудов находилась в глубине и была скрыта густыми за-

рослями бугенвиллии. Посреди города, состоящего в основном из камня и железа, их двор казался оазисом. Войдя в ворота, человек словно оказывался в другом мире: в окружении цветов и вьющихся растений, перед прохладным фонтаном.

Вместо того чтобы построить себе новый дом на Кенел-стрит, как делали все вновь приехавшие в Новый Орлеан американцы, родители Гинни купили дом во французском квартале. На этом настояла Аманда Маклауд, которая обожала все французское, за что ее полюбили и приняли в свой круг даже самые избранные креольские³ семьи. «Все любили маму», – со вздохом подумала Гинни.

Ланс сошел на землю и подал ей руку.

– Не беспокойся, милая, мы постараемся, чтобы тебе было сегодня весело.

Гинни покачала головой.

– Зная дядю Джервиса, я уверена, что он собирается меня увеселять бесконечными визитами к знакомым.

– Ничего подобного. Сейчас ты будешь отдыхать, а вечером мы все поедем к Фостерам, которые дают свой традиционный «последний бал лета».

Гинни чуть не застонала. Эмили Фостер столько лет навязывала ей в женихи своего жирного сына Чарли. Но все же идея бала была очень соблазнительна.

³ Креолами на юге Соединенных Штатов называли потомков французов, колонизировавших эти территории.

– Говорят, чтобы украсить танцевальный зал, они скупили все камелии в городе, – продолжал Ланс. – Хотят, чтобы бал запомнился всем, как лучший в году. Эдита-Энн все уши прожужжала мне о том, что она собирается на него надеть...

«Бедная Эдита-Энн, что бы она ни надела, тощее тело и некрасивое лицо ничем не украсишь. Может быть, одолжить ей голубое шелковое платье, которое тетя Агата...»

Гинни ахнула, вспомнив о собственном гардеробе, и схватила Ланса за рукав.

– Ланс, быстрее поехали назад!

– Куда назад?

– В порт. Эти чертенята так заморочили мне голову, что я забыла в порту свой саквояж.

– Не волнуйся, дорогая, я кого-нибудь пошлю за ним.

– Дело не только в саквояже. Там остались и мои сундуки. В них все мои вещи. Платья, шляпки, драгоценности. – Она вспомнила о медальоне с маминым портретом, который она положила в саквояж. Если он потерялся, у нее не останется никакой памяти о маме.

– До чего же вы, женщины, любите поднимать шум из-за пустяков! – Ланс покачал головой со снисходительной улыбкой. – Стюард наверняка сдал твои вещи на склад багажа.

«Какой стюард?» – чуть не спросила Гинни, но ее мысли были заняты не столько неудобствами путешествия, сколько потерей багажа.

– Мне нужно сейчас же найти саквояж, – дрогнувшим го-

лосом сказала она. – Поехали назад.

– Никуда ты не поедешь, – твердо сказал Ланс. – Порт – не место для леди. К тебе опять привяжутся какие-нибудь босяки.

Гинни вовсе не хотелось опять встретиться с теми нахальными мальчишками, но надо же найти медальон.

– Ланс, для меня это очень важно. Если кто-нибудь украл мои вещи...

Ланс крепко сжал ее руки.

– Ладно, пошли в дом, а когда ты там устроишься, я поеду в порт и привезу твой багаж.

– Я войду в дом и без твоей помощи. Пожалуйста, поезжай сейчас же.

Ланс посмотрел на чугунные ворота.

– Но дядя Джервис хотел...

– С дядей Джервисом я сама договорюсь. – Она чуть ли не подтолкнула его к карете. – Если я потеряю багаж, папа жутко рассердится. Тебе же не хочется, чтобы он опять на меня сердился?

Этот аргумент пронял Ланса. Он выпрямился и улыбнулся ей.

– Ты права. Не беспокойся, найду я твой багаж, дорогая, и все прочее. – Его ослепительная улыбка согрела ее, как теплое одеяло. – Разве я когда-нибудь тебе отказывал? Я же твой Ланцелот!

В эту минуту Гинни позавидовала ему. Какой Ланс моло-

дец – всегда уверен в себе! Он и не сомневается, что вернется с ее вещами.

– Твое желание – закон для меня. – Ланс склонился в элегантном поклоне и поцеловал ей руку. – Я всегда к твоим услугам, моя прекрасная дама.

– Да ну тебя, – сказала Гинни, пытаясь скрыть удовольствие, которое ей доставило его поклонение. – Поспеш, Ланс, а не то кто-нибудь стащит мои вещи.

– В бой!

Размахивая воображаемым мечом, он впрыгнул в карету и велел кучеру ехать обратно в порт.

– Но по возвращении с победой я жду награду – поцелую.

– Найди только мой саквояж, – тихо сказала Гинни, когда карета, грохоча по булыжникам, скрылась за поворотом. – А награду мы обсудим потом.

– Если объявлена награда, надеюсь, ее может получить любой, вернувший саквояж? – раздался у нее за спиной густой бас.

Гинни обернулась. Перед ней стоял «пират» из порта.

– А вы откуда взялись? – резко спросила она, несколько напуганная его появлением на этой тихой улице. – Что вы здесь делаете?

– Я считал, что по улице ходить можно всем. – Он кивнул в сторону соседних домов, окна которых были закрыты ставнями от полуденной жары. Там никому не было дела до того, что происходит на улице. – Оказывается, это ваше царство,

моя прекрасная дама.

Страх испарился из сердца Гинни, уступив место негодованию. «Моя прекрасная дама»! Как смеет этот грубиян с насмешкой произносить романтическое имя, которое ей придумал Ланс?

– Вы правы, по дороге может ходить каждый. Не осмеливаюсь вас задерживать – идите, куда шли.

Приподняв юбки, она направилась к воротам, ей хотелось скрыться от него во дворе, который уже казался не только оазисом, но и убежищем.

– А это вас нисколько не интересует?

– Не могу себе представить, сэр, чтобы вы могли меня чем-то заинтересовать.

– Мне некогда играть с вами в игрушки, моя прекрасная дама, – сказал он с явным раздражением. – Вам нужен ваш саквояж или нет?

Гинни круто повернулась и только сейчас заметила, что незнакомец держит в руке ее саквояж. Из-под полуоткрытой крышки свисал угол ее голубого платья.

– Да, это мои вещи. Как вы смели...

– Я ничего у вас не украл, – перебил он ее. – Вы бросили саквояж в порту.

– Я вовсе не имела в виду...

– Так уж и не имели? – Он впери́л в нее пронзительный взгляд, и Гинни вдруг стало стыдно. Она и вправду чуть не обвинила его в воровстве.

– Я пришел сюда не для того, чтобы с вами переругиваться, – сказал незнакомец нарочито терпеливым тоном. – Берите свой саквояж, и я оставлю вас в покое.

Гинни медленно подошла к нему, с подозрением глядя на голубую ткань.

– Что вы с ним сделали?

Посмотрев на саквояж, он пожал плечами.

– Дети его открыли. Им было интересно. Гинни выхватила саквояж у него из рук.

– Вы позволили этим... этим портовым крысятам разграбить мои вещи? – воскликнула она, открывая саквояж.

– Никто ничего не грабил. Им просто хотелось заглянуть внутрь. Детям трудно сдерживать любопытство, когда они видят такие красивые вещи, особенно детям, которые к ним не привыкли.

– Я не вижу медальона. – Она с ужасом заметила, что почти кричит. – Эти оборванцы украли мой медальон!

– Не спешите с обвинениями, – спокойно сказал незнакомец. – Никто ничего не брал. Вот он.

Он раскачивал медальон за цепочку, словно дразня ее. Гинни хотелось вырвать медальон у него из рук, но она сдержалась, не желая показывать незнакомцу, как важен для нее этот медальон.

Но что-то у нее в лице, видимо, выдало ее, потому что незнакомец стал рассматривать медальон. Он открыл защелку, и его резкие черты смягчились.

– Теперь я понимаю, почему вы так расстроились. Конечно, вам не хочется потерять портрет своей матери.

– Вы знали маму? – удивленно спросила Гинни.

– Все знали Аманду Маклауд. Это была настоящая леди.

– Вы хотите сказать, что я не настоящая. Он пронзил ее взглядом.

– Ваша матушка никогда не стала бы разбрасываться бездоказательными обвинениями. А если бы даже такое вдруг случилось, убедившись в своей ошибке, она тут же извинилась бы.

– Кто вы такой поучать меня? – То, что он был прав, только еще больше разозлило ее. – Вы, видимо, принесли сакво-ж в надежде на вознаграждение. – Она смерила его презрительным взглядом. – Но как бы вы ни нуждались в деньгах, должна вас разочаровать. Никакого вознаграждения вам не будет – слишком грубо вы со мной разговаривали. Отдавайте медальон и убирайтесь.

Он словно бы не заметил ее протянутую руку. Еще раз взглянув на портрет ее матери, а потом на нее, он защелкнул медальон.

– Далеко вам до нее, моя прекрасная дама, – сказал он, отдавая ей медальон, круто развернулся и пошел прочь.

– Как вы смеете? – крикнула Гинни ему в спину. Нет, подумать только – бросил ей между прочим обвинение и уходит. – Да как вы смеете говорить мне такие вещи, вы... вы...

Она замолчала, отчасти потому, что не могла придумать

для него достаточно оскорбительного названия, но главным образом потому, что он ее все равно не услышал бы. Еще ни один мужчина не обращался с ней с таким пренебрежением, и это ей вовсе не понравилось.

Еще меньше ей понравилось то, о чем он ей напомнил. Посмотрев на медальон, она внутренне съежилась от стыда. Она так старалась все эти годы и все же не стала такой, какой хотелось бы маме.

– Прости, мамочка, – сказала она, открыв медальон. – Мне, наверно, никогда не удастся стать достойной тебя.

В голубых глазах Аманды Маклауд ей чудилось разочарование. «Не грызи ногти, Гинни, – говорила ей мама. – Сколько раз тебе повторять, что леди не вступает в препирательства?»

Эти воспоминания причиняли боль. Закрыв медальон и сунув его обратно в саквояж, Гинни решила, что лучше эти воспоминания загнать подальше вглубь, откуда они не смогут ее ранить.

– Гинни, детка, это ты? Подняв глаза, она увидела дядю Джервиса, который был так похож на ее отца, что она чуть не бросилась ему в объятия.

– Но что ты делаешь здесь одна? – непонимающе спросил он. – Где Ланс?

Гинни посмотрела вдоль улицы: незнакомец исчез.

– Ланс – эээ – поехал за моим багажом, – проговорила она, стараясь не показать дяде своего беспокойства. – Я так спе-

шила домой, что не стала ждать, пока разгрузят мои сундуки.

– Ну дай-ка я на тебя погляжу. Как же ты выросла в Бостоне! Ты стала просто красавицей, Гиневра-Элизабет.

Она не могла сказать, чтобы прошедшие годы были так же снисходительны к нему. Русая шевелюра, которой он так гордился, не только поседела, но и значительно поредела. Глядя на его иссеченное морщинами красное лицо и оплывшую фигуру, она с трудом верила, что этот человек на десять лет моложе ее отца.

Дядя Джервис взял ее саквояж и прошел в ворота. Оказавшись во внутреннем дворике, Гинни заметила, что постарел не только ее дядя. Стены дома были облуплены, а растения нуждались в секаторе.

– А что случилось с фонтаном? – подавленно спросила она. – Почему в нем нет воды?

Дядя Джервис откашлялся.

– Не забывай, что здесь давно никто не жил.

– Я знаю. Просто мне... все помнится иначе. Раньше этот двор казался таким великолепным.

Он вздохнул.

– Так всегда бывает, когда уезжаешь из дома. Ничто не остается таким, как нам хотелось бы. За пять лет твоего отсутствия, дорогая, многое изменилось.

Гинни попыталась внушить себе, что перемены неизбежны, но слова дяди обеспокоили ее. Она не любила перемен, она не хотела сюрпризов. Она отдала бы все, чтобы вернуть-

ся в то время, когда папа ее обожал и когда была жива мама.
«Хочу в Камелот», – опять подумала она.

Но сегодня ей не было суждено туда сбежать. На крыльце появилась Эдита-Энн, улыбаясь гостеприимной улыбкой хозяйки дома.

– Наконец-то ты вернулась домой, Гиневра-Элизабет, – вполне дружелюбно сказала она, но Гинни, как всегда, почувствовала скрытую недоброжелательность. Что она себе воображает? Принимает Гинни в ее собственном доме как хозяйка.

С напряженной улыбкой Гинни поднялась по ступенькам и ответила Эдите-Энн только, когда оказалась на одном с ней уровне:

– Ты хорошо выглядишь. – Ничего другого ей в голову не пришло.

К сожалению, это было правдой. Пять лет тому назад голубое муслиновое платье висело бы на Эдите-Энн, как на вешалке, но теперь ее формы округлились. Даже цвет лица у нее стал лучше. Никто бы не назвал ее первой красавицей Луизианы, но эта девушка с русыми волосами и янтарными глазами совсем не была похожа на того гадкого утенка, которого помнила Гинни.

Позади в дверях показался Гамильтон Колби, их сосед и друг.

– Как я рад тебя видеть, Гинни! – радостно сказал он и начал трясти ей руку. – Мы с Эдитой-Энн как раз недавно

говорили, что без тебя в Луизиане стало скучно.

На этот раз Гинни улыбнулась от всего сердца. Как и Ланс, Гамильтон в детстве проводил много времени у Маклаудов, и они всегда хорошо к нему относились. Он был длинный и нескладный и часто говорил невпопад, но он был добрый человек и надежный друг. Заметив, как он не сводит глаз с Эдиты-Энн, Гинни подумала, что за время ее отсутствия Гамильтон, кажется, проникся к ее кухне больше чем дружескими чувствами.

Та, впрочем, этого, по-видимому, не замечала. Оставив его в гостиной с отцом, она сказала, что проводит Гинни в ее комнату.

Гинни прекрасно могла бы подняться по лестнице и одна, присутствие кухни создавало у нее ощущение, будто она гостя в своем собственном доме. А впрочем, нет, это дом заставлял ее чувствовать себя здесь чужой. В нем стоял затхлый дух помещения, в котором никто не живет, и во многих комнатах мебель была накрыта чехлами. Может быть, дядя Джервис собирается провести здесь только одну ночь, но мог же он привезти из Розленда пару служанок, чтобы за ними было кому ухаживать. Как она будет одеваться к балу, если ей никто не будет помогать?

Оказавшись одна в своей комнате, Гинни принялась ходить по ней взад и вперед, дожидаясь, когда же Ланс привезет ее вещи. Надо их вынуть, проветрить, решить, какое платье надеть на бал. И тут к воротам подъехала карета.

Она побежала навстречу Лансу вниз по лестнице. Но, увидев огорченное выражение его лица, остановилась на нижней ступеньке и оглядела прихожую. Она была пуста.

– Где же мои сундуки?

– Произошло небольшое осложнение.

– Осложнение?

Гинни ухватила за перила лестницы, и у нее закружилась голова.

Ланс шагнул к ней с успокаивающей улыбкой.

– Дело в том, что твой пароход отплыл в Аргентину. Но не огорчайся. Он вернется в декабре.

– Что, мои вещи плывут в Южную Америку? – Гинни чувствовала, что срывается на крик, но ничего не могла с собой поделать. В этих сундуках были все ее бальные платья и туфельки, ее ленточки, веера и фижмы.

– Я и саквояж не смог найти. Говорят, что его унес какой-то человек.

Гинни махнула рукой: что там саквояж, когда она лишилась всех своих нарядов.

– Он мне его вернул. Саквояж у меня в комнате. Лицо Ланса прояснилось.

– Вот и прекрасно. Значит, ты сможешь пойти на бал к Фостерам.

Но у Гинни осталось только три платья – зеленое, которое было на ней, и еще два. Но ни под одно у нее не было фижм, и оба были слишком теплыми для жаркого Нового Орлеана.

Мало того, что она в них запарится, не может же она пойти на бал в старом, немодном платье!

И тут в прихожую вышла ее кузина в своем изящном муслиновом платье. Ланс кинул на нее восхищенный взгляд, от которого Гинни стало нехорошо.

– Что-нибудь случилось? – спросила Эдита-Энн, подходя к Лансу. – Надеюсь, твоя мама не велит тебе возвращаться в Белль-Оукс?

Гинни знала, что, если бы требующая беспрекословного повиновения мать Ланса велела ему возвращаться домой, его бы тут уже не было. «Не говори глупостей!» – чуть не сказала она кузине, но тут Ланс взял Эдиту-Энн за руку и успокаивающе по ней похлопал.

– Не волнуйся, – сказал он ей. – Просто мы с Гинни обсуждали потерю ее сундуков. Она считает, что теперь не сможет пойти на бал к Фостерам.

– Ну как же, Гинни, там будет так весело! – воскликнула Эдита-Энн, явно думая не столько о Гинни, сколько о том, как ей самой будет весело в ее отсутствие. И она стала перечислять развлечения, которые их ожидали у Фостеров, обращаясь при этом к одному Лансу, точно Гинни вовсе не было рядом.

Глядя, как человек, которого она любила всю жизнь, весело перешучивается с ее кузиной, Гинни почувствовала укол ревности. Да, дядя Джервис прав, действительно за истекшие годы многое изменилось. Эти двое, кажется, не только

перестали ссориться, но даже нашли общий язык.

И вдруг потеря сундуков показалась Гинни пустяком. Она, Гиневра-Элизабет Маклауд, первая красавица округа, может пойти на бал хоть в мешке из-под картофеля. Ланс принадлежит ей – всегда принадлежал и всегда будет принадлежать, – и она не позволит ни кухне, ни кому другому увести его у себя из-под носа.

Патрик глянул на Джуда, который сидел на другой стороне прыгавшей по колдобинам телеги. Джуд явно злился, что их отсылают обратно на остров. Зная, что, когда Джуд впадает в злость, надо ждать неприятностей, Патрик заговорил об удовольствиях, которые их ждали дома.

– Как хочется половить рыбу, – сказал он, заставляя себя улыбнуться. – И Гемпи мы давно не видели.

Джуд злобно оскалился.

– За столько времени первый раз собрались в Новый Орлеан, и вот пожалуйста – уезжаем раньше срока. И все из-за этой неуклюжей коровы.

– Да брось, долго мы там все равно не пробыли бы. Нам опасно показываться в городе.

– Может, и так, но все равно во всем виновата она. Не начинай она орать, никто бы нас не заметил. И что хочешь говори, а медальон зря отдали. Так ей было бы и надо!

– Но это же воровство! – потрясенно воскликнул Патрик. – Ты же знаешь, что мама не разрешала нам брать чужое...

Патрик тут же пожалел о своих словах, потому что лицо

Джуда вдруг окаменело, с ним всегда это делалось, когда кто-нибудь упоминал их покойную мать. Хорошо хоть, что младшие мальчики спят в соломе рядом. Хотя после смерти матери прошел уже год, они все еще не перестали по ней горевать.

– А ты видел портрет в медальоне? – тихо спросил Джуд.
– Правда, эта леди немного похожа на нашу маму?

Больше Джуд не сказал ничего, но Патрик все понял. Трудно жить без мамы.

Он посмотрел на звезды и мысленно произнес молитву, которую часто повторял. Патрик считал, что где-то на белом свете должна быть женщина, которая сможет заменить им маму.

– Господи, – молился он, – пошли нам новую маму. Я обещаю ее любить.

Глава 3

Эдита-Энн стояла в затененном углу танцевальной залы у Фостеров и наблюдала за Гиневрой-Элизабет. Ее чуть ли не трясло от негодования. Она так долго мечтала об этом вечере, так тщательно причесалась и оделась – и вот появилась Гинни, и все оказалось ни к чему.

Танцевальная зала была украшена серпантином, и в ней стоял сильный аромат камелий и гвоздик, но Эдита-Энн не замечала их запаха. Небольшой оркестр играл в углу, мимо нее проносились танцующие дамы в дорогих платьях всевозможных цветов, но внимание Эдиты-Энн было сосредоточено на Гинни, которая флиртовала напропалую с Лансом и его друзьями. Каждый взрыв смеха пронизывал сердце Эдиты-Энн, каждая улыбка заставляла ее зеленеть от зависти.

Эдита-Энн завидовала Гинни с первого дня, когда отец привез ее в Розленд. Все, кого они знали, обращались с Гинни как с принцессой. Она была красивее всех, лучше всех одета, даже ее имя, Гиневра, было красиво и необычно.

А сегодня Гинни полагалось бы сидеть дома и горевать о потерянных туалетах, как сделала бы любая другая женщина. Вместо этого она почистила старое бархатное платье вишневого цвета и заявила в нем на бал с истинно королевским апломбом. Единственным ее украшением был медальон ее матери, но она держалась так, словно на ней были драгоцен-

ности короны. Это же несправедливо! Эдита-Энн надеялась быть звездой этого бала, а Гинни совершенно ее затмила и к тому же, кажется, собиралась вернуть себе любовь человека, который стал бесконечно дорог ее кузине.

Чтобы никто не догадался о ее истинных чувствах, Эдита-Энн притворялась, что увлечена Бо Аллентоном, но с той самой минуты, как она увидела Ланса Бафорда, подъезжающего к Розленду на белом коне своего отца, она не переставала мечтать о соседе с золотой шевелюрой. Он был сэр Ланцелот, прекрасный рыцарь, и если ей удастся отнять его у кузины, тогда, быть может, она сама станет королевой Камелота.

Но сегодня, судя по тому, как Ланс обхаживает Гинни, этого не случится.

Глядя на его маневры, Эдита-Энн с трудом сдерживалась, чтобы не закричать: «Ты же не любишь Гинеvру-Элизабет! Ты просто хочешь заполучить Розленд!» Но в глубине души она знала, что Ланс ее за это не поблагодарит. Он не хотел слышать о том, что в его сознании детские игры перемешались с реальной жизнью. Он всегда считал себя наследником Камелота, и, если она осмелится это отрицать, он оттолкнет ее. Если бы дядя Джон и тетя Аманда не превратили свой дом в блистательный дворец! Даже сейчас, после всего случившегося, Ланс все еще мечтает стать его хозяином.

Не сводя глаз с Ланса, изнывая от тоски, Эдита-Энн все больше проникалась ненавистью к Гинни, потому что была

уверена, что та не любит Ланса. Конечно, она не любит его так, как Эдита-Энн, иначе она не флиртовала бы с его друзьями. Гинни просто верна себе, она все та же избалованная и упрямая девчонка, которая не хочет расстаться с детскими мечтами и не хочет отпустить Ланса на свободу.

Гинни вдруг махнула рукой, словно отсылая свою свиту, и Ланс, к удивлению Эдиты-Энн, тут же отошел от нее, а за ним и его друзья. Она что, устала от его ухаживаний и ищет с кем бы еще пофлиртовать? В таком случае Эдита-Энн окажет ей всяческое содействие. Если Ланс поймет, что его драгоценная Гинни не такое уж невинное создание, может быть, он начнет замечать ту, которая действительно его любит.

Так или иначе, но она, Эдита-Энн, не допустит их брака.

Гинни с трудом подавила зевок. От этой жары и нудной болтовни друзей Ланса ее потянуло ко сну. Истории, которые рассказывал Ланс, по-видимому, были забавными – его друзья смеялись же! Но Гинни давно уже перестала их слушать. Да Ланс как будто и не нуждался в ее внимании, лишь бы она улыбалась, что тоже стоило немалого усилия, и время от времени произносила какую-нибудь глупость.

Поэтому она почувствовала облегчение и внутренне улыбнулась, услышав, что им надо пойти засвидетельствовать почтение хозяину дома. Глядя, как молодые люди гурьбой отправились в кабинет мистера Фостера, она ни минуты не сомневалась, что они хотят засвидетельствовать почтение не столько ему, сколько бутылке виски.

«Не все, однако, изменилось», – с улыбкой подумала она, но, окинув залу взглядом и заметив множество перемен, посерьезнела. Как странно, она столько лет тосковала по этим веселым балам, а теперь ей скучно и даже кажется, что все ей здесь чужие!

Где ее подруги, которые вместе с ней дебютировали в свете? Большинство из них не только замужем, но родили наследников мальчикам, с которыми она когда-то танцевала и флиртовала. Даже Чарли Фостер, которого она столько лет чуралась, оказывается, вовсе не изнывает от тоски по ней. Он уже четыре года как женат на красивой девушке из королевской семьи, которая уже родила ему двух крепких сыновей.

Глядя, как влюблено Чарли смотрит на молодую жену, Гинни почувствовала какую-то пустоту внутри. Не то чтобы она принимала его всерьез, но все же было приятно сознавать, что на крайний случай всегда есть Чарли. И вот эту опору выбили у нее из-под ног. Это было вовсе не так уж приятно.

«Зато у меня есть Ланс», – утешила она себя.

– Что это ты прячешься в углу, Гиневра-Элизабет?

Гинни внутренне взъерошилась при виде подошедшей к ней Эдиты-Энн, которая всем своим видом напомнила ей о потере багажа. На ней было платье из лилового атласа с юбкой, расходящейся колоколом от невероятно тоненькой талии, и глубоким декольте, украшенным дорогими бельгий-

скими кружевами. Нечто в этом роде уплыло в Аргентину в сундуках Гинни. И ей пришлось явиться на бал в бархатном платье без кринолина, которое висело на ней как саван.

– Я вовсе не прячусь, – ответила Гинни, опять заставляя себя улыбнуться. – Просто подошла к двери, чтобы немного охладиться на сквозняке.

– И вправду жарко, – ответила Эдита-Энн, обмахиваясь дорогим веером. «Это она нарочно, – подумала Гинни, – чтобы напомнить мне, что мои веера плывут в Аргентину». – Бедняжка, как тебя атаковали Ланс со своими приятелями. Не знаешь, что хуже – жара или их нудные разговоры. Что они обсуждали – политику?

Эдита-Энн говорила поддразнивающим тоном, но Гинни не стала отвечать ей таким же. Она с вождением смотрела на ее веер с пластинками из слоновой кости и перламутровой ручкой, который создавал такой приятный ветерок. Может быть, проглотить самолюбие и попросить его у Эдиты-Энн на время?

– Конечно, не все джентльмены обсуждают политику, – продолжала ее кузина. – Некоторые молодые люди слишком много себе позволяют. От их глупых ухаживаний просто спасения нет.

Тут уж Гинни решила ей подыграть:

– Все те же кавалеры и все те же истертые комплименты. Как бы хотелось пофлиртовать с совершенно незнакомым человеком!

При этих словах перед ее умственным взором возникло смуглое лицо, но она тут же выбросила его из головы и постаралась подавить вспыхнувший в ней огонек.

– Совершенно незнакомым? Да ты не посмеешь! – Эдита-Энн загоревшимися глазами следила за Гинни поверх верха. – Да и где ты его найдешь?

– Можно на улице встретить. Веер замер в руках Эдиты-Энн.

– Что за ужасные вещи ты говоришь, Гиневра-Элизабет! Даже ты не посмеешь заговорить с незнакомым человеком. Кто знает, что он сделает.

Гинни всегда провоцировала на невероятные поступки фраза: «Ты не посмеешь».

– Хочешь, поспорим, что я могу очаровать любого мужчину, стоит мне только захотеть?

– Но это же опасно.

Верно, опасно, но вслух Гинни этого не признала.

– Я так ему вскружу голову, что ничего дурного он мне не сделает.

Эдита-Энн принялась усиленно обмахиваться веером.

– Представляю, что сказал бы Ланс Бафорд, если бы услышал твои слова.

– Тогда не надо распивать с друзьями виски в кабинете мистера Фостера!

Ее кухня злорадно ухмыльнулась. Нет, не стоит просить у нее веер.

– А, погляди, вон стоит весьма опасный с виду мужчина, – вдруг сказала Эдита-Энн, показывая веером на кого-то в прихожей.

Гинни обернулась и увидела незнакомца из порта.

Она вздрогнула от удивления, и одновременно по ее телу пробежал трепет волнения. Что делает этот человек в доме Фостеров? Его черная рубашка и брюки выделяли его из моря белых льняных костюмов, которые были на других мужчинах. Черный, как ворон. Интересно, он тоже чувствует, что здесь ему все чужие?

Да нет, он вроде ничего такого не чувствует. Стоит себе в прихожей, кого-то дожидаясь, но в облике его, несмотря на простую одежду, нет ничего подобострастного. Наглец! Не стоит того, чтобы о нем думать, решила Гинни.

– Такому тебе не удастся вскружить голову! Посмотри, как он сердито смотрит.

– Очень нужно! – сказала Гинни, пренебрежительно дернув плечом. – Босяк какой-то.

– А по-моему, очень красивый мужчина. – Эдита-Энн опять поглядела на Гинни поверх веера. – Если бы я тебя не знала, Гинни, то подумала бы, что ты его боишься. Что, с таким не справишься?

И опять Гинни не выдержала подначки:

– Никого я не боюсь. Если бы я захотела, то могла бы вскружить голову и ему. Просто мне не хочется.

– А я готова поспорить, что на него твои чары не подей-

ствуют. Вид у него презлющий. Хочешь, поспорим, что тебе даже не удастся заставить его улыбнуться?

Это был соблазнительный вызов.

– Что ж, давай поспорим. Только на что? На твой веер?

Эдита-Энн посмотрела на незнакомца, потом на веер. И, закрыв его, постучала им по медальону Гинни.

– Идет! Очаруешь незнакомца – веер твой. Не удастся – отдашь мне медальон тети Аманды.

Гинни заколебалась. Если она отдаст мамин портрет, что у нее останется?

– Боишься? – опять поддразнила ее Эдита-Энн.

– Ладно, только не прячь веер, – сказала Гинни, отбросив доводы рассудка. – Через несколько минут тебе придется с ним расстаться.

Подхватив юбки, Гинни вышла в прихожую и, только увидев теперь уже знакомое сердитое лицо, поняла, что под нажимом Эдиты-Энн взяла на себя слишком много. Как же, очаруешь этого человека! Характер у него прескверный, а язык хлесткий.

– Увидела вас, – нерешительно начала она, заставив себя улыбнуться, – и тут только поняла, что так и не поблагодарила вас за вашу любезность. Простите, пожалуйста, если я была с вами несколько резка. Просто у меня с утра все не заладилось.

– Несколько резка, мисс Маклауд? Вы назвали меня вором.

Гинни пожалела, что не может спрятаться за веером. Как удержать на лице улыбку, разговаривая с таким грубияном?

– Во всяком случае, я вам признательна за то, что вы принесли мой саквояж. И хотела бы вас за это вознаградить.

«Пират» подозрительно посмотрел на нее.

– Что же вы хотите мне пожаловать? Чувствуя спиной взгляд кузины, Гинни посмотрела на него из-под опущенных ресниц и завораживающе улыбнулась.

– Знак благосклонности.

– Опять взялись за свою рыцарскую дребедень? Попробую догадаться. Как ваш преданный рыцарь, я получу в награду кусочек шелка или кружев, который будет знаком благосклонности прекрасной дамы.

Гинни вообще ничего не собиралась ему давать, но раз уж он заговорил об этом, можно, пожалуй, подарить ему носовой платочек. Если он его возьмет и если это заставит его улыбнуться, тогда она выиграла пари.

Гинни неохотно вынула из ридикюля кружевной платочек.

– Мне вышила этот платок тетя. Эти трилистники – залог удачи.

Незнакомец мельком взглянул на платок, потом впился взглядом ей в глаза.

– Вы согласны подарить мне залог удачи? – с недоумением спросил он. Его лицо уже не было неприступным. – А Баффорд не будет против этого возражать?

Мысль, что Ланс ее приревнует, вдруг понравилась Гинни.

– Ланс Бафорд не имеет права распоряжаться моими поступками. Я вольна делать подарки кому мне вздумается.

Незнакомец улыбнулся и протянул руку за платком. Его большая мозолистая рука на секунду накрыла руку Гинни. Они встретились взглядами, и она вдруг забыла обо всем вокруг. Незнакомец поднес ее пальцы к губам, и ей стало трудно дышать.

– Я ваш вассал, – сказал он, целуя ее дрожащую руку. – Я живу, чтобы служить вам, леди Гиневра.

Гинни остолбенела. Эти самые слова они употребляли в детстве, когда играли в Камелот.

– Откуда вы знаете? – сказала она, но тут услышала громкий голос:

– Отпустите ее руку!

К ним шел явно взбешенный Ланс.

– Что это вы себе позволяете, сэр? – негодуя спросил он.

– Я разговаривал с дамой, – ответил незнакомец, не спуская глаз с Гинни. – А вы тут при чем?

– Да как вы посмели вломиться в этот дом? Незнакомец перевел взгляд на Ланса.

– Что-то я не понимаю, – холодно сказал он. – С каких пор вы стали здесь хозяином?

– Я здесь почетный гость, и вы это отлично знаете, а о вас

этого никто не скажет. И мы не позволим подобной публике приставать к нашим дамам. Отпустите руку мисс Маклауд и уберите отсюда, пока вас не вытолкали взащей.

Гинни знала, что ей надо вмешаться и сказать Лансу, что это она приставала к незнакомцу, но тогда она проиграет пари Эдите-Энн. Кроме того, Лансу этот человек явно не нравится. Как же признаться, что она с ним флиртowała?

Незнакомец глядел на нее безо всякого выражения, но она чувствовала, что он в ней разочарован. Увидев, что она не собирается ничего объяснять, он кивнул.

— Понятно. Опять игра, — тихо сказал он. — На вашем месте я был бы осторожнее в выборе товарищей для игр, моя прекрасная дама. Не у всех мужчин наличествует чувство чести.

Ланс шагнул вперед и ударил незнакомца по щеке.

— За такую наглость я требую удовлетворения! Незнакомец замер. Глаза его сверкали.

— Я не собираюсь драться с вами на дуэли, — сказал он, покачав головой.

— Трус! — бросил Ланс. — Да чего еще можно ждать от типа, который не останавливается перед тем, чтобы скомпрометировать мисс Маклауд!

Незнакомец твердо глядел Лансу в глаза.

— Если кто и запятнает ее репутацию, то это буду не я. Упражняйте свое фанфаронство на ком-нибудь другом, Бафорд. Мне не хочется вас изувечить.

— Вот наглец! Какой-то проходимец воображает, что мо-

жет победить меня на дуэли!

– Откуда вам известно, что я прохожимец? – Незнакомец презрительно покачал головой. – Вы все еще воображаете себя чемпионом округа? Ваше счастье, что я дал зарок не драться больше на дуэлях.

– Как это понимать?

Незнакомец не успел ответить – в прихожую вбежала миссис Фостер.

– Сэр! – обратилась она к незнакомцу. – Мне сказали, что вы предполагаете получить здесь какой-то пакет.

Улыбка преобразила лицо незнакомца. «Боже ты мой, – изумленно подумала Гинни, – да он может быть обаятельным!» И ей стало обидно, что он ни разу не улыбнулся так ей.

– Я не знал, что у вас будет бал, – вежливо сказал он миссис Фостер. – Извините, что я так неудачно пришел, сударыня. Я возьму пакет и пойду.

Миссис Фостер растерянно покачала головой.

– Но у нас нет для вас пакета, сэр. Никто для вас ничего не оставлял. Вас ввели в заблуждение.

– И меня это почему-то не удивляет, – вполголоса сказал незнакомец. Потом он улыбнулся хозяйке дома. – Простите за вторжение, сударыня. Мне жаль, что я вас напрасно тревожил.

Когда за ним закрылась дверь, Гинни потрогала руку, которую он поцеловал. У нее все спуталось в голове. О каком пакете он говорил, кто ему этот пакет обещал, и почему у

нее до сих пор дрожат руки?

Ланс бормотал что-то о наглецах, вваливающихся в порядочный дом, а Эдита-Энн, которая оказалась рядом, охотно ему вторила. Гинни не понравилось, как та непрерывно касалась его руки, и она заявила, что эта сцена ее утомила.

– Принеси мне бокал пунша, Ланс, – попросила она. Тот нахмурился, и ей показалось, что он откажется, но он с усилием улыбнулся и отправился в буфет.

– Он тебе не собачка, – раздраженно сказала Эдита-Энн, когда они остались одни. – Не воображай, что все мужчины готовы плясать перед тобой на задних лапках.

– Ты просто злишься, что я заставила незнакомца улыбнуться.

И Гинни пошла обратно в танцевальный зал, не глядя, идет ли за ней Эдита-Энн.

– Тебе пришлось отдать ему платок, – злорадно напомнила та. – Как это, интересно, понравится Лансу?

Гинни стало не по себе. Ланс считает, что его жена должна быть истинной леди, а леди не раздают свои вещи незнакомым мужчинам.

– Я заберу его обратно, – беспечно заявила она, не желая показывать кухне, что встревожена. – А пока что, – сказала она, надеясь отвлечь ее от мысли о платке, – подавай-ка сюда свой веер. Я его честно выиграла.

Сжав губы, Эдита-Энн сунула Гинни в руки веер и, взмахнув юбками, устремилась на противоположный конец залы.

Гинни облегченно вздохнула. События последнего часа произошли так быстро и вызвали в ней столько душевного волнения, что она не могла даже толком припомнить их последовательность. Впрочем, все три встречи с незнакомцем оказывали на нее такое действие.

У Гинни горело лицо, и она стала обмахиваться веером, считая, что ей так жарко потому, что на ней тяжелое бархатное платье. Вдобавок у нее зачесалось под корсетом. Она посмотрела через залу на веранду, но та была освещена свечами и заполнена прогуливающимися парами. А вот справа от Гинни были стеклянные окна от пола до потолка, которые вели в сад. С этой стороны дом не был освещен. Видимо, хозяева считали, что фижмы не дадут дамам протиснуться через эти узкие окна.

Однако на Гинни не было фижм, и ей ничего не стоило это сделать. Она шагнула к окну, но тут к ней подошла Мисси Мэй Бенсон. Изнывавшей от жары, усталой и раздраженной Гинни пришлось выслушивать стоны Мисси о том, что на балу почти совсем нет холостых мужчин.

– Как скучно прошло лето! – жаловалась на судьбу Мисси. – Все подходящие молодые люди или женаты, или им не до балов. Роберт Самнер все равно что умер, он превратился в тень, пытаясь после смерти отца поставить на ноги свою плантацию. А Дру Самнер взял и уехал на север и там поступил в университет!

«Вот и еще два жениха потеряны», – подумала Гинни. Она

оглянулась по сторонам, вдруг осознав, что не видела и Бо Аллентона. И неосторожно сказала об этом Мисси.

– Господи, Гинни, разве ты не слышала? Аллентоны уехали.

– Уехали? Куда? Они столько лет заправляли всем нашим обществом.

Мисси потрясла своими мышиного цвета локонами и сказала заговорщицким шепотом:

– Папа говорит, что им давно уже угрожало разорение и они все глубже увязали в долгах, пытаясь это скрыть. По-моему, это было бессовестно с их стороны – морочить нам голову, притворяясь, что все хорошо.

Гинни стало не по себе. В конце концов Бафорды уже много лет точно так же «морочат всем головы».

– А я уже было решила, что Бо всерьез за мной ухаживает, – негодуяще продолжала Мисси. – Мне даже не жалко, что у них сгорел дом. Говорят, Бо уехал в Мобиле, надеясь найти себе в жены богатую наследницу. Только, по-моему, у него вряд ли это получится. Он уже совсем не так хорош, как раньше, сколько можно пьянствовать?

«Мой двор быстро пустеет», – огорченно подумала Гинни. В Бостоне она не искала жениха, считая, что дома ее ждет толпа поклонников. А оказывается, они ее вовсе не ждут, а разъехались по стране. Что же это делается? Все ее планы рушатся один за другим.

– Мы все сгораем от любопытства, – продолжала Мисси.

– Кто-то купил плантацию Аллентонов, а кто – мы не знаем. Никто не видел новых владельцев, но, говорят, поля обрабатываются и уже готов фундамент для нового дома. Хорошо бы были молодые люди нашего возраста, правда?

«Если они нашего возраста, – чуть не сказала Гинни, – то они не такие уж молодые».

Но решила промолчать, бедная Мисси, видимо, обречена остаться старой девой, но у Гинни все еще есть Ланс.

– Да и то сказать, вряд ли им понравится наше общество, – нудела Мисси. – У нас стало так скучно, Гинни. Если мне еще раз придется приглашать к чаю девиц Бошамп, я сяду на папину кобылу и ускачу в горы. Чтобы привлечь приличных молодых людей, нам нужно придумать что-то поинтереснее чаепития. Помнишь, как твои родители устраивали турниры? Вот это было интересно! Не пойму, что случилось, почему вы перестали их устраивать? Случилась смерть мамы.

Но Гинни тут же выкинула эту мысль из головы. Она приехала на бал веселиться, а не думать о грустном.

– Надо придумать что-нибудь совсем новенькое, – весело сказала она, чтобы переменить разговор. – Может, устроить аукцион незамужних девиц, кто даст больше, тому и достанешься.

Мисси притворилась, что эта мысль ее ужаснула, но в глазах у нее загорелся огонек интереса.

– Но, Гинни, это же будет похоже на ярмарку рабов! Папа никогда не позволит мне до этого опуститься.

Судя по всему, если бы отец позволил, Мисси не возразила бы до этого опуститься. Хотя она вся сверкала драгоценностями и на ней было дорогое белое платье, нельзя сказать, чтобы женихи выстраивались в очередь за обожаемым чадом Джеймса Бенсона.

Тем не менее Гинни на секунду позавидовала Мисси и тут же одернула себя. Завидовать невзрачной Мисси? Конечно, отец ее боготворит, но что в этом толку? Денег у мистера Бенсона тьма, а жениха Мисси он все же купить не смог.

К облегчению Гинни, тут появился Ланс с пуншем, и Мисси перестала ныть и перенесла внимание на него. Тот проворчал, что пригласил на следующий танец Эдиту-Энн, и сбежал. Это он сбежал от этой трещотки, утешала себя Гинни. Мисси от нее отвязалась, но Гинни вовсе не хотелось наблюдать, как Ланс танцует с ее кузиной. Не стоит вести себя как глупая, ревнивая девчонка, сказала она себе. Однако ей не хотелось и танцевать, и даже разговаривать. Она устала, ей было жарко, и кожа под корсетом жутко зудела.

Гинни старалась не думать про корсет, но терпеть зуд становилось невтерпеж. Раньше, когда она не стеснялась бросать вызов приличиям, она сунула бы руку под правую грудь и почесала бы свербящее место, но теперь она старалась помнить наставления матери. Настоящая леди, говорила та, должна уметь терпеть неудобства.

Нет, этот зуд сведет ее с ума! Можно, конечно, пойти в комнату, куда дамы удаляются, чтобы поправить прически

и тому подобное, но там девицы опять, прикрывшись веерами, станут хихикать над ее платьем. Гинни посмотрела на открытые окна справа от себя. За окнами было темно, и там ей никто не помешает вволю чесаться. Она с независимым видом подошла к окну и выскользнула наружу.

Дул прохладный ветерок, и Гинни подняла волосы с шеи, чтобы освежиться. Она прошла к балюстраде и глубоко вдохнула, радуясь свежему воздуху после ароматной духоты танцевальной залы. Через кроны дубов проглядывала полная луна, из залы доносилась музыка и гул голосов, но Гинни казалось, что она совершенно одна. Оглянувшись через плечо, чтобы убедиться, что ее никому не видно, она сунула руку в разрез декольте.

– Может, нужна помощь? – раздался из темноты знакомый бас.

Гинни застыла. Конечно же, красивый незнакомец сумел застать ее в самой неприглядной позе.

– Что вы здесь делаете? – сердито спросила она, поспешно пряча руку за спину.

Он перемахнул через балюстраду и оказался рядом с ней.

– Дышу свежим воздухом.

«Черт подери, до чего же он хорош, когда улыбается!» – подумала Гинни.

– А мне показалось, что вы прятались в кустах. Его взгляд посуровел, и то же произошло с голосом.

– Ничего подобного. Если кто и прячется, пользуясь сво-

им привилегированным положением, так это моя дичь. Лучше бы ему расплатиться со мной, все равно я дело так не оставлю. Так или иначе я получу с него то, что мне причитается.

Он говорил негромко, но в его голосе звучала холодная убежденность. Кто же это его бедная жертва? – подумала Гинни. Не позавидуешь человеку, за которым охотится этот тип.

Она легко могла представить в качестве дичи и себя. С дрожью, вызванной отнюдь не вечерней прохладой, она представила себе, как он хватает ее в объятия, с силой прижимает к себе и с улыбкой торжества наклоняется к ее губам.

С изумлением обнаружив, что эта мысль ей вовсе не противна, Гинни выкинула ее из головы.

Тем временем незнакомец вдруг шагнул к ней и спросил: – А вы что тут делаете? С чего это вдруг гордая Гиневра вздумала прятаться в кустах?

– Я не пряталась. Вы отлично знаете, что я чесалась. Если бы вы были настоящим джентльменом, сэр, вы бы сделали вид, что ничего не заметили.

– Но вы ведь уже решили, что я не джентльмен. Со мной не стоит церемониться! Чешитесь себе на здоровье.

– Вы, кажется, надо мной насмехаетесь, сэр. Мы оба знаем, что леди так себя вести неприлично. От условностей никуда не денешься.

– Очень жаль. – Он впился в нее взглядом. – Поменьше

думайте об условностях и, может быть, станете себе больше нравиться.

На какую-то минуту, словно загипнотизированная его взглядом, Гинни потеряла способность воспринимать его слова. Какие у него красивые глаза, думала она. Темные, глубокие, властные.

И тут до нее дошел смысл его слов, и она поняла, что этот пьянящий взгляд всего лишь маскирует очередное оскорбление.

– Я совершенно довольна собой, – отрезала она.

Более воспитанный человек извинился бы, но этот молчал. Пауза становилась невыносимой. Гинни мучительно старалась придумать колкость, которая поставила бы его на место, но от близости этого человека, от его высокой фигуры, от исходящего от него запаха табака и лошадей, от покоряющего звука его голоса мысли мешались у нее в голове.

– А все-таки скажите, – внезапно проговорил он, – с чего это вы вдруг вздумали подарить мне платок?

Вопрос застал Гинни врасплох, и она не сразу нашла, что ответить. Вряд ли стоит сказать ему правду, такому человеку не понравится, что он оказался предметом спора. Гинни в растерянности раскрыла веер кузины и стала им обмахиваться, пытаясь придумать объяснение, которое помогло бы ей вернуть платок. Она легко могла представить себе реакцию Ланса, если незнакомец станет размахивать у него перед носом ее платком, да еще хвастаться, где, как и от кого он

его получил.

– Опять играете? – спросил «пират», не отводя глаз от ее лица. – Ваши слова о знаке благосклонности – это была просто уловка, чтобы вызвать ревность Бафорда?

– Не говорите вздор! – Гинни еще быстрее замахала веером. – Мне нет нужды прибегать к подобным уловкам.

– Нет? – Он опять вперил в нее взор. – Я наблюдал за вами обоими отсюда. По-моему, он обращает на вас слишком мало внимания. Я никогда бы не позволил своей даме сердца бродить одной в темноте.

Своей даме сердца... Эти слова радостно взволновали ее, но он тут же все испортил, добавив:

– Слишком уж вы склонны флиртовать с незнакомыми мужчинами.

Гинни покраснела.

– Вы хотите сказать, что, разговаривая с вами, я подвергаю себя опасности?

Он пристально смотрел на ее губы.

– Возможно. Кто знает, что может сделать проходимец.

Гинни дернула головой, нет, она ему не покажет, как она напугана и одновременно взволнована его словами.

– Лансу незачем стоять возле меня на страже, он знает, что я не дам себя в обиду.

– Так уж и не дадите?

Его взгляд опустился на глубокий вырез ее декольте.

– Может, вы и можете справиться с мальчиками и разря-

женными хлыщами, но что вы знаете о тайных желаниях настоящего мужчины?

Тайных желаниях. Все тело Гинни загорелось жарким пламенем. Рассудок говорил ей, что от этого человека надо бежать, и одновременно ей хотелось подставить ему губы для поцелуя.

– Настоящего мужчины, – повторила она, стараясь скрыть волнение. – Уж не себя ли вы считаете настоящим мужчиной?

Эти слова подействовали на него как удар хлыстом. Правда, он не отшатнулся, но глаза его угрожающе сузились.

– Да нет, моя прекрасная дама. Вы ясно показали, что в ваших глазах я не только не настоящий мужчина, но даже не вполне человек.

– Ничего подобного...

Он положил ей на губы два мозолистых пальца.

– Не отрицайте. Будьте честной хотя бы сами с собой. А не то кто-нибудь скажет, что вы достойны стать женой Бафорда.

– Я ничего другого и не хочу!

– В самом деле? – Его взгляд вдруг смягчился, и он поднял пальцами ее подбородок. – Неужели уж не найдется никого получше?

Он пытливо вглядывался ей в глаза, заставляя ее осознать свои собственные тайные желания. Как ей хотелось упасть к нему в объятия! Казалось, он прочитал у нее в глазах, что больше всего на свете ей нужен человек, который полюбил

бы ее до конца своих дней.

– Я люблю Ланса, – деревянным голосом проговорила она, не в силах оторвать от него свой взгляд.

– Любите? Тогда скажите, дает ли он вам колдовское упоение?

– Колдовское упоение?

Тихонько обняв ее, он коснулся губами ее лба, потом поцеловал ее между глаз, в кончик носа и наконец приник к губам. Он поцеловал ее с такой нежностью, что она не смогла сдержать стон наслаждения.

– Это я и имею в виду, – хрипло повторил он. – Когда вас целует Баффорд, вы тоже так стонете?

Потрясенная до глубины души, она размахнулась и дала ему пощечину.

Он отступил и потер щеку.

– Это был всего лишь поцелуй, моя прекрасная дама. Из-за него не стоит драться на пистолетах.

Опять он вывел ее из равновесия, опять заставил говорить и делать такое... Господи, неужели она в самом деле позволила ему себя поцеловать?

Тяжело дыша, Гинни глядела в насмешливо улыбающееся лицо и жаждала одного – дать ему еще одну пощечину.

Он посмотрел на ее сжатые кулаки и покачал головой.

– Извините, но, если вы действительно намерены вызвать меня на дуэль, мне придется отказаться, так же как я отказался принять вызов Баффорда.

– Вы не имеете права даже произносить имя Ланса, – бросила она ему в лицо. – Вы ему в подметки не годитесь.

– Безупречный Ланцелот? – Улыбка исчезла с его лица. Он нахмурился. – Он знал, что я дал зарок не драться на дуэлях, моя прекрасная дама. Только поэтому он меня и вызвал.

– Вы лжете!

– Я никогда не лгу. – Незнакомец скрестил на груди руки. – По крайней мере своему слову я хозяин. Никто в Луизиане не посмеет утверждать, что я когда-нибудь его нарушил. Если я говорю, что Бафорд знал о моем зароке, можете Мне поверить. Спросите, кого хотите. Иначе он был бы утром мертв.

– Никто не может победить Ланса. Он чемпион округи.

– Чемпион? А вы его самого спросите, не побеждал ли его кто-нибудь? – И он кивнул в сторону дома.

Гинни поглядела в окно и увидела, что Ланс идет через танцевальную залу, разыскивая кого-то взглядом.

– Это он меня ищет, – с огромным облегчением сказала она. Нет, этот человек слишком... слишком легко выбивает ее из колеи. – Лучше идите, – сказала она. – Я его сейчас позову.

– Зовите, – спокойно сказал незнакомец. – Но послушайте моего совета, моя прекрасная дама. Может быть, Бафорд и кажется идеальным рыцарем, но женщине лучше поискать такого, который сможет подарить ей колдовское упоение.

Он перепрыгнул через балюстраду и скрылся в темноте.

«Черт бы тебя побрал», – сердито подумала Гинни, трогая пальцами губы. Они все еще горели, словно одним легким поцелуем он навсегда поставил на нее свое тавро.

Все это ерунда, сказала она себе. Я люблю Ланса и всегда буду его любить.

Какое отношение имеет колдовское упоение к браку? Главное, чтобы было доверие и взаимопонимание, а лучше Ланса Бафорда ее не понимает никто. И Гинни пошла к нему, говоря себе, что Ланс настоящий джентльмен и более обаятельного и заботливого мужа и пожелать нельзя.

Так почему она все еще ощущает на губах сладостное колдовство того поцелуя?

Джервис Маклауд тихонько спускался по лестнице. Ему было очень жаль самого себя. Дойти до того, чтобы, как вор, пробираться по дому в поисках спиртного! Хотя бы дочка спала – ему не хотелось увидеть горькое разочарование на ее лице. Он поклялся ей бросить пить и играть в карты и обещал помогать вести хозяйство в Розленде. Но Эдита-Энн не знала – и он не собирался ее об этом извещать, – что его обещания так же пусты, как и его счет в банке.

Ну и что, сердито подумал он. Девчонка чересчур похожа на мать, вечно за ним следит и вечно всем недовольна. Да разве можно выполнить все ее требования? И вообще – кто она такая, чтобы указывать отцу, что ему можно, а что нельзя? Крышу над головой он ей обеспечивает, еду тоже, и не ее дело, как он проводит время. Как говорил его отец, мужчина

должен быть хозяином в доме и никому не отвечать за свои поступки, кроме Бога и, может быть, самопхсебя.

Джервис выпрямился и прошел в гостиную, старательно избегая взглядом портрет своего брата над камином. Ему хочется выпить, и он выпьет! И пусть они все катятся к чертям собачьим!

Наливая себе виски, он с огорчением заметил, что в бутылке осталось очень мало. Неужели он все уже выпил? Хорошо, что завтра они уедут в Розленд.

Хорошо во многих смыслах.

При воспоминании о тон, как он чуть не влип в историю, у него пробежал холодок по спине. Надо же было Латуру явиться к Фостерам! Сидел бы у себя в болоте! Сколько он мог бы наделать неприятностей, если бы у Ланса не хватило присутствия духа выставить его за дверь!

Джервис задумал нечто такое, о чем его племянница ни в коем случае не должна узнать раньше времени. Гинни надо вести на заклатие осторожно и медленно, чтобы она ничего не заподозрила, иначе все его планы рухнут.

Джервис поднял рюмку и улыбнулся портрету брата.

– Будь ты проклят, Джон, – прошептал он, одним глотком осушая виски. – На этот раз я таки возьму над тобой верх.

Глава 4

Гинни стояла на носу парохода, разглядывая великолепные особняки плантаторов, которые тянулись вдоль берега Миссисипи. Некоторые из них были ей хорошо знакомы, другие построили за пять лет ее отсутствия. Ей не хотелось думать о том, что Аллентоны продали дом и уехали и что даже Самнеры с трудом держатся за свою плантацию.

Жизнь похожа на реку, решила Гинни. Плынешь себе по течению, и кажется, что все благополучно, ан глянь – свернул не в ту протоку и оказался в незнакомых рукавах дельты. У Гинни было ощущение, что сама она плывет по узкому, заросшему ряской рукаву и вот-вот попадет в болото нежелательных сюрпризов. Ей хотелось, чтобы все было по-прежнему, но вот пожалуйста – дядя Джервис носит на поясе фляжку и плохо держится на ногах уже в десять часов утра. А Эдита-Энн строит глазки Лансу, и, что самое ужасное, он ей в этом потворствует!

Скорее бы приехать в уютный родной Розленд!

– А, вот ты где, – раздался у нее за спиной голос Ланса. Он подошел и встал рядом с ней у борта. Гинни совсем испеклась в своем шерстяном платье, и ее разозлило, что Лансу, видимо, совсем не жарко и что у него такой самоуверенный вид. На нем была накрахмаленная белая рубашка и костюм из льняной ткани, его сапоги были начищены до блеска, а в

руке он держал соломенную шляпу. Прямо воплощение холеного плантатора. Даже волосы аккуратно лежат на голове, не поддаваясь порывам речного ветерка.

– Гинни, дорогая, что это ты так тяжело вздыхаешь? Она попыталась улыбнуться, но ей было ужасно жаль себя.

– А тебя никогда не пугает мысль о будущем, Ланс? Он нахмурился.

– Ну знаешь, Гинни, если ты будешь упорствовать в своей меланхолии, я лучше пойду поговорю с твоей кузиной.

Гинни постаралась сдержать вспышку гнева.

– Я вовсе не упорствую в меланхолии, просто смотрю на новые дома и вижу, как много изменилось за то время, что меня здесь не было.

– Извини, дорогая, но, когда убегаешь из родного гнезда, этого надо ожидать.

– Вовсе я не убегала, – взъерошилась Гинни. – Родители требовали, чтобы я поехала в Бостон. А когда мама... – У нее встал клубок в горле. – Ты же знаешь, что у меня не оставалось выбора.

Ланс пожал плечами.

– Я одно только знаю, мы должны были пожениться, а вместо этого я тут ждал тебя пять долгих лет, один-одинешенек, не зная, увижу ли тебя когда-нибудь.

Вместо того чтобы порадовать Гинни – ведь она так хотела их услышать, – эти слова почему-то вызвали у нее только раздражение.

– А откуда мне было знать, что ты меня ждешь? Я считала, что ты и думать про меня забыл.

– Это обидно слышать. – Ланс отвернулся и стал смотреть на воду. – Неужели я мог забыть нашу клятву никогда не расставаться?

Гинни смотрела на его мрачный профиль, вспоминая клятву... и еще кое-что.

– Но ты же уехал из Нового Орлеана, как только папа отказал тебе. Это я сидела и ждала одна-одинешенька, уверенная, что ты махнул на меня рукой.

Он повернулся к ней.

– Ну что ты, дорогая, откуда такие мысли?

– Все говорили, что ты не можешь себе позволить жениться на бесприданнице.

– Если бы приданое имело для меня такое значение, зачем бы я ждал тебя все эти годы? Я сто раз мог найти богатую невесту, но я ждал свою Гиневру-Элизабет, надеясь, что когда-нибудь она вернется домой. Ко мне.

– Ну вот я и вернулась, Ланс.

Он смотрел на нее именно таким страстным взглядом, о каком она мечтала. «Перестань осторожничать, – мысленно взмолилась Гинни, – обними меня и разгони поцелуями все мои страхи и сомнения».

Но Ланс только вздохнул и взял ее за руки.

– А теперь, когда ты вернулась, я постараюсь получить согласие твоего отца. Надо только набраться терпения. В конце

концов он согласится на наш брак.

Гинни смотрела на Ланса, но ей виделось другое лицо, красивое властное лицо человека, поцелуй которого она не могла забыть. Этот «пират», может быть, груб и неотесан, но он знает, чего хочет, и умеет добиваться своего. Если бы он решил на ней жениться, он бы так и сделал, и папа никак не смог бы этому помешать.

Какой вздор ей мерещится! Она ему вовсе не нужна. Ведь он ясно дал ей понять, что считает ее дурочкой.

– Ты увидишь, что твой отец тоже сильно изменился, – сказал Ланс, прерывая ход ее мыслей. – И взгляды его за это время тоже изменились.

Что он этим хочет сказать? Но Гинни не успела потребовать разъяснения – к ним подплыла Эдита-Энн, крутя на плече зонтик от солнца. Ей тоже, видимо, не было жарко в серебристо-голубом льняном платье. Рядом с ней Гинни почувствовала себя бедно одетой дурнушкой. «Подожди же, – подумала она, – вот приедем в Розленд, и папа позаботится, чтобы у меня все было».

– Скоро остановка в Белль-Оукс, – сказала Эдита-Энн и тронула Ланса за руку. – Твоя мама, наверно, будет рада, что ты вернулся домой. А нам будет очень тебя не хватать.

Ланс широко улыбнулся.

– Надеюсь, ты это говоришь искренно, потому что я все не собираюсь сходить на берег в Белль-Оукс. Твой отец пригласил меня поужинать в Розленде. Разве я мог ему отка-

зять? Не каждый день человеку выпадает счастье сопровождать сразу двух очаровательных дам.

Хотя Ланс улыбался им обеим, Эдита-Энн сделала вид, что его слова предназначены ей одной. Гинни было противно смотреть, как ее кузина строит глазки Лансу. В другое время она бы ей этого не спустила, но сейчас ей было слишком жарко и она слишком устала, чтобы бороться с ней за внимание Ланса.

«Это все от жары, – сказала она себе. – После прохлады Бостона трудно приспособиться к палящему солнцу Луизианы. Вот надену легкое платье, из тех что носила раньше, – а ее ждет полный шкаф платьев из хлопка и муслина, – тогда тоже начну строить глазки».

Она вздохнула при мысли о Розленде. Как давно она его не видела! Гинни вспомнила счастливое время, когда мама еще была жива. Какие они устраивали праздники! Дом освещали тысячи свечей, и приезжавшие по реке гости говорили, что он сверкает, как хрустальный дворец.

Даже на следующее утро, когда свечи были погашены, а гости еще лежали в постелях, дом все равно казался Гинни сказочным дворцом. Такое величественное здание с такими стройными колоннами казалось ей достойным королевской семьи. Королем был папа, мама была королевой, а Гинни всегда была и будет их драгоценной любимой принцессой.

Гинни представила себе возвращение домой. Еще рано, и свечи зажигать не будут, но ее умница папа придумает,

как отметить возвращение дочери. Она наверняка увидит на пристани его высокую прямую фигуру. Он будет сгорать от нетерпения обнять любимую дочь И всю дорогу до дома будет рассказывать ей о своих планах. Вечером в честь ее приезда он, конечно, даст бал, на котором она появится в таком красивом и дорогом новом платье, что все девчонки умрут от зависти.

Когда они подойдут к дому, папа хлопнет в ладоши, и наружу выселят слуги и будут ее приветствовать веселым го-моном. Папа со снисходительной улыбкой прикажет им отнести наверх ее сундуки – ну не сундуки, так саквояж – и проводить ее в ее комнату, чтобы она могла отдохнуть перед ужином.

А на ужин Лавиния приготовит ее любимое «гамбо» – рагу из креветок и крабов со стручковым перцем, о котором она мечтала все эти годы в Бостоне. При одной мысли о «гамбо» у Гинни потекли слюнки. А на десерт Лавиния испечет пирог с только что собранной с грядки крупной сочной клубникой.

Гинни так увлеклась своими фантазиями, что даже не заметила, как пароход остановился около пристани Розленда. Она очнулась только, когда Эдита-Энн толкнула ее в бок.

– Совсем ты у нас без царя в голове, Гиневра-Элизабет, – заявила та, – ничего вокруг себя не видишь.

Они с Лансом засмеялись, а Гинни сердито вспыхнула. Но тут к ним подошел дядя Джервис, и Ланс мгновенно посе-

рзезнул, повернулся к Гинни и предложил ей руку.

– Давай я помогу тебе спуститься на берег, – сказал он со своей самой подкупающей улыбкой. – Нехорошо будет, если наша Гиневра-Элизабет спотыкнется и ушибется в первый же день возвращения домой.

Гинни все еще была на него сердита, но предложенную руку взяла и даже была рада на нее опереться. Папа на пристани ее не встретил, да и сама пристань как-то покосилась и несколько досок в ней провалились. Видимо, ее потрепало недавним штормом, но почему же рабы ее не починили? Скоро ведь начнут съезжаться гости на бал по случаю ее возвращения – стыдно будет перед ними за такую ветхую пристань. Разговоров об этом хватит на несколько недель.

Гинни еще больше расстроилась, увидев, что не только пристань была в запущенном состоянии. Проходя через сад, она увидела, что драгоценные мамины розы заросли сорняками. За ними явно уже несколько лет никто не ухаживал, и большинство кустов погибли, а те, что остались, тоже недолго протянут.

Сколько перемен! Гинни вдруг вспомнила предупреждение миссис Тиббс, что ее ждут трудности. Нет, отчаянно спорила она сама с собой, для всего этого запустения должны быть причины, и, как только она увидит папу, он ей все объяснит. Наверно, он был так занят посадкой тростника, что забыл про другие дела – те, которыми обычно занималась мама.

Она положит этому конец. «Я вернулась домой, чтобы тебе помогать», – заверит она папу. Она представила себя молодой хозяйкой, которая распоряжается рабами и всюду успевает, оставаясь при этом, как и Аманда Маклауд, настоящей леди.

Гинни решительно шла к дому, стараясь не замечать заросли сорняков по обе стороны подъездной аллеи. Она два раза споткнулась о торчащие из земли корни, но уверила себя, что все это пустяки, что все станет на свое место, как только она поговорит с папой.

Ее оптимизм слегка поубавился, когда они подошли к дому и она увидела, что папа вовсе не ждет ее на крыльце. Пароход давно дал гудок, извещая о своем прибытии. Что с Джоном Маклаудом – оглох и ослеп? Как еще объяснить, что он вроде не подозревает о приезде дочери?

Но может быть, ждать ее на крыльце было не совсем разумна ступеньки крыльца казались еще более ненадежными, чем настил пристани. К ее удивлению, дядя Джервис спокойно перешагнул через отсутствующую нижнюю ступеньку и вошел в дом, не сказав по этому поводу ни слова.

Что же случилось с ее любимым Розлендом? Дом, видимо, уже несколько лет не красили снаружи, и краска сильно облупилась. В одном из окон второго этажа уныло свисала на одной петле ставня. Наверно, когда дует ветер, она стучит об стену, однако почему-то никто и не подумал или починить ее, или снять совсем.

И ветви дубов надо подрезать, думала Гинни, - а то они сдирают с крыши dranku. А глициния забралась по столбам веранды на второй этаж. Так и кажется, что ее лианы вот-вот задушат дом. Надо бы их обрезать.

Невозмутимо переступив через сломанную ступеньку, Эдита-Энн вслед за отцом прошла в дом. Судя по спокойствию дяди Джервиса и его дочери, дом впал в это запущенное состояние уже давно. «Папа, как ты позволил такому случиться?» – с тоской подумала Гинни.

Ланс погладил ее по руке.

– Мужайся, милая, – сказал он, – я с тобой. Вместе мы со всем справимся.

Его слова звучали пугающе – Гинни на секунду померещилось, что в доме ее ждет страшный людоед. Но в прихожей стоял только камердинер ее отца Гомер. Как же он сгорбился и постарел! Как и сам дом, негр состарился гораздо больше, чем ему полагалось бы за пять лет. Гинни смотрела на великолепную парадную лестницу, которой когда-то так гордилась мама. Дубовые перила уже давно не покрывали лаком, и на всем лежал слой пыли. Гинни казалось, что, если она остановится, пыль покроет ее как саваном.

Дядя Джервис разбирал почту на столике возле входной двери, а Эдита-Энн исподтишка заглядывала ему через плечо. Потом оба нахмурились, по-видимому увидев письмо, которого опасались.

– Что, еще один счет? – раздался скрипучий голос. Они

повернулись к вошедшему, очевидно, захваченное врасплох. Если бы Джервис не воскликнул: «Джон!» – Гинни никогда не узнала бы в нем отца.

При виде этого сгорбившегося и опиравшегося на трость старика у нее мучительно перехватило дыхание. Папа всегда держался так прямо и гордо. Годы изменили его даже больше, чем дядю Джервиса, Если Джервис располнел, то Джош усох. Грязная белая рубашка висела у него на плечах, как помятый белый флаг капитуляции, а в туго стянутых в поясе брюках свободно поместился бы еще один человек. Помятое лицо говорило о злоупотреблении алкоголем, но, если у Джервиса морщины скрывались в жирных подушках щек, у Джона они, казалось, были высечены в черепных костях.

Он совсем не был похож на человека, которого помнила Гинни, на человека, которого она предполагала увидеть на пристани. Ей даже показалось, что это вовсе не папа, что сейчас кто-нибудь рассмеется я скажет: «Ловко мы тебя разыграли!»

Но никто ничего не говорил никто даже не пошевелился. Все ждали, что скажет Джон.

Тяжело опершись на трость, он обвел всех по очереди внимательным взглядом. Под этим взглядом присутствующие ерзали, как ожидающие наказания, нашалившие дети. Когда отец поглядел на Гинни, Ланс отпустил ее руку, оставив ее один на один с его изучающим взглядом.

Гинни робко улыбнулась, но на лице отца не появилось

ответной улыбки. Он смотрел на нее так, словно она была одной из накрытых чехлами статуй в прихожей.

– Привезли, значит, – проскрипел он наконец, поворачиваясь к брату. – Только гляди, чтобы она еще чего-нибудь не натворила.

После этого он сказал Гомеру, чтобы тот принес бутылку виски, и заковылял в свой кабинет.

«Он не хочет меня знать!» – беззвучно воскликнула Гинни. Вопреки всем ее надеждам папа все еще не простил ее.

Она вспомнила ту ночь, когда они смотрели друг на друга над бездыханным телом мамы. Тогда-то у него на глаза и опустилась эта завеса, точно он навсегда закрыл для нее свой ум и свое сердце.

– Папа! – воскликнула Гинни вслед отцу, так же, как она воскликнула той ночью, но он, как и тогда, остался глух к ее мольбе. Дверь в кабинет закрылась, отец словно захлопнул ее перед носом Гинни.

Этот звук вывел дядю Джервиса из оцепенения.

– Я смотрю, Джон опять в дурном настроении.

Опять в дурном настроении? Гинни стояла, закусив губу и изо всех сил удерживаясь от слез. Она с радостью ухватилась за это объяснение. Конечно, человек может быть в дурном настроении! Может, его тяготит эта жара, и он плохо себя чувствует? Но это же пройдет! Вот отдохнет папа и обязательно прижмет ее к груди. В конце концов она его единственный ребенок, не может быть, чтобы он не был рад ее

видеть! Дядя Джервис повернулся к Лансу.

– Надеюсь, грубость моего брата не помешает тебе остаться к ужину?

Ланс опять взял Гинни под руку и улыбнулся ей.

– Да я не уеду ни за что на свете!

– Вот и прекрасно.

Дядя Джервис хлопнул в ладоши и облизнулся, словно уже садился за обеденный стол.

– Собираемся в гостиной в семь часов. Ужин будет в восемь. Мы с тобой тем временем поболтаем, – сказал он, улыбаясь Лансу и показывая рукой на дверь библиотеки, – а девочки поднимутся наверх. Нашей Гиневре-Элизабет наверняка хочется передохнуть с дороги.

Оба мужчины с таким ожиданием воззрились на Гинни, что у нее не хватило сердца возразить. Да она и в самом деле устала. Ей будет нелегко даже подняться по лестнице, тем более что она, видимо, должна это сделать в сопровождении кухни.

Эдита-Энн пошла вперед как хозяйка дома.

– Ты будешь теперь спать здесь, – предупредила она Гинни, останавливаясь перед первой же дверью на втором этаже.

– Нет, я буду жить в своей старой комнате! – воспротивилась Гинни.

– Это невозможно. Там протекает потолок.

– Тогда найди мне другую комнату. Здесь даже не поместится моя мебель.

– Твой мебели уже нет, – с неловким видом проговорила Эдита-Энн. – Дядя Джон ее продал после того, как ты уехала в Бостон.

Гинни молча вошла в крошечную комнату. Это был тяжелый удар, и она не хотела, чтобы Эдита-Энн видела, какую боль ей причинили ее слова. Нет, одним дурным настроением нельзя объяснить то, что отец безжалостно продал очаровательную мебель, которую ей купила мама.

Она твердила себе, что и тут должно быть разумное объяснение. Может быть, папа собирался купить новую, более красивую мебель и гардины. Неужели он в самом деле до сих пор ее не простил? Она этого просто не перенесет.

С натушной улыбкой Гинни осмотрела комнату. Комната была маленькой – она правильно помнила, – но у окна стоял очаровательный диванчик. Жаль только, что подушки так потерты.

– Скажи, чтобы Делфи и Сади пришли мне помочь, – сказала она, решив притвориться, что все в порядке. – Я так устала, что никогда в жизни сама не стащу с себя это платье.

– У нас осталось очень мало рабов, и они все заняты. Придется тебе раздеваться самой, – почти грубо отозвалась Эдита-Энн.

– Самой? – изумленно повернулась к ней Гинни. – Ты, наверно, шутишь? Да я это платье без помощи ни за что не сниму!

Эдита-Энн пожала плечами.

– Придется научиться. Помогать тебе некому.

– Вот как? – Гинни собиралась проявить мужество и без жалоб перенести неприятные сюрпризы, но тут она не выдержала: – Уж не хочешь ли ты сказать, что все служанки заняты уборкой? Прихожая тонет в пыли.

Эдита-Энн покраснела, но тут же огрызнулась.

– Я хочу сказать, – сказала она, направляясь к двери, – что тебе больше не удастся разыгрывать принцессу.

Гинни с яростью смотрела в спину Эдиты-Энн. Что они себе с дядей Джервисом вообразили? С какой стати они командуют в нашем доме? Если Гинни потребует услуги хотя бы ста рабов, они не имеют права ей отказывать.

Гинни потянула за веревку звонка. И решила, что в этой комнате она ни за что не останется. Что это за мебель поставила сюда Эдита-Энн? Этот огромный дубовый шкаф, этот поцарапанный секретер – все они в свое время были отправлены в заслуженную ссылку на чердак. Прошло несколько минут, но никто не пришел на звонок. Тогда она решила позвать к отцу. Пусть знает, что творится у него в доме, что его дочери отказывают в служанке, которая помогла бы ей раздеться.

Гинни сбегала вниз по лестнице и уже подняла руку, чтобы постучать в дверь его кабинета, но тут вспомнила, как холодно он ее встретил. А что, если из-за дурного настроения... или еще почему-нибудь... он скажет ей убираться долой с его глаз? Что тогда делать?

И тут она услышала голоса, доносящиеся из библиотеки, и вспомнила, что дядя Джервис и Ланс ушли туда поболтать. Может быть, имеет смысл сначала поговорить с дядей? В присутствии гостя он вряд ли посмеет отказать ей в ее законных требованиях. В крайнем случае можно будет воззвать к Лансу. Уж конечно, ее верный Ланцелот не откажется прийти к ней на помощь.

Когда она вошла в библиотеку, оба мужчины встали, глядя на нее с удивлением.

– Гиневра-Элизабет? – воскликнул ее дядя. – А мы думали, что ты отдыхаешь. – Он перевел взгляд с нее на гостя. – Правда, Ланс?

Ланс не ответил, он был слишком занят тем, что гасил сигару и ставил на стол бокал с виски. Неужели он надеется скрыть от меня, что курил и пил? Как будто женщины не знают, что у мужчин называется «поболтать»!

– Я бы с удовольствием отдохнула, – сказала Гинни дяде Джервису, – но не могу же я лечь в постель в этом платье. Мне нужно, чтобы кто-нибудь помог мне его снять. Что случилось с папиными слугами? Почему никто не хочет помочь хозяйке дома раздеться?

Наступила неловкая пауза. Мужчины переглянулись.

– И вот еще что, – продолжала Гинни, надеясь вызвать сочувствие Ланса. – Эдита-Энн выставила меня из моей старой комнаты и говорит, что папа продал всю мою красивую мебель, но, по-моему, это просто предлог, чтобы сплавить мне

всякое старье с чердака.

Она предполагала, что дядя если не возмутится, то по крайней мере начнет оправдываться. Но у него был просто растерянный вид.

– В чем дело? – спросила Гинни, переводя взгляд с него на Ланса. – Чего это вы все время переглядываетесь?

Дядя Джервис тупо смотрел на свой бокал, потом осушил его залпом.

– Придется тебе, видно, сказать. Дело в том, что у нас во всех комнатах стоит старая мебель, которую достали с чердака. Нам пришлось... эээ... экономить.

– Экономить? – непонимающе повторила Гинни.

– Эдита-Энн не может прислать к тебе служанку. У нас почти не осталось рабов. Лавинии приходится справляться одной. Гомер уже совсем стар.

– А где же Лила, и Делфи, и...

– Их пришлось продать, так же как и мебель. Гинни с грустью подумала о Делфи, которая была ее подругой детства, а потом горничной. Теперь она служит кому-то другому.

– Но они же были как родные. Разве нельзя было вместо них продать тех, что работали на полях?

– Их больше нет. Как нет и полей. В Розленде уже три года как не собирают урожай тростника.

Гинни ахнула. Папа может потерять интерес к дому, к самой жизни, но если он забросил свою драгоценную плантацию, значит, дела действительно плохи.

– Пойми, – мягко говорил дядя Джервис, – его подкосила смерть твоей мамы. Я видел, что он потерял интерес к делам, но насколько все пришло в упадок, я узнал только в марте, когда уговорил Джона дать мне доверенность на управление поместьем.

– Почему же вы мне ничего не сказали? Почему не предупредили?

– Я хотел тебе сказать, девочка, но подумал, если у меня сердце разрывается от горя при мысли о том, что Розленд достанется нашим кредиторам, как же огорчится Гиневра-Элизабет!

– Кредиторам? – в ужасе вскричала Гинни. Тишина была красноречивой.

– А почему ты меня не предупредил? – обратилась она к Лансу.

– Дядя хотел сам тебе сказать. – Он поднял руки, как бы снимая с себя всю вину. – В письме всего не скажешь, и его так легко неправильно истолковать.

Чего тут истолковывать? Они на краю разорения и скоро потеряют свое положение в обществе. Теперь понятны все эти смешки и перешептывания на вчерашнем балу. Все знают, что папа почти разорился и что его дочь скоро будет парией.

– Но я думала, что папа хочет выдать меня замуж! – воскликнула Гинни. Неужели он ее вызвал для того, чтобы продать тому, кто даст больше, и тем спасти плантацию? На све-

те сколько угодно противных стариков, которые готовы хорошо заплатить за молодую жену. – Или мне предстоит... остаться старой девой?

– Ну-ну, уж об этом можешь не тревожиться. – Дядя Джервис опять посмотрел на Ланса. – Занимайся своими делами, а все остальное доверь нам, мужчинам. Не бойся, мы что-нибудь придумаем. Земля у нас по-прежнему плодородная. Если мне удастся раздобыть денег на саженцы и на нескольких рабов, чтобы они посадили тростник и собрали урожай, то Розленд быстро встанет на ноги.

– Вот и правильно, – сказал Ланс, протягивая бокал, чтобы Джервис подлил ему виски. – Вот это деловой разговор. А я помогу вам, как смогу.

Глядя, как дядя Джервис наполняет бокалы, Гинни на минуту пришла в панику. Они только и умеют что пить за здоровье друг друга и за Розленд, но что они могут сделать? У Ланса у самого нет ни гроша за душой.

Боже, какой кошмар! Гинни казалось, что она видит страшный сон, из которого проснется, чтобы услышать, как миссис Тиббс называет ее Принцессой. Как ужасно, что ей вдруг захотелось опять оказаться в тесной каюте вместе с этой жуткой женщиной!

Надо бежать на свежий воздух – здесь слишком душно. Может, там у нее прояснится в голове.

Когда она сказала мужчинам, что пойдет погулять, они слегка удивились. Ланс даже сказал, что на улице слишком

жарко. Но оба были слишком заинтересованы в виски, чтобы всерьез с ней спорить. Гинни распрощалась с ними и вышла из библиотеки.

Этого не может быть, мысленно твердила она, выходя наружу. Дядя Джервис всегда все преувеличивает. Не может быть, чтобы дела были так плохи. Гинни вспомнила, что в городе они не стеснялись себя в расходах, и если они так бедны, зачем брать на пароход билеты первого класса?

Гинни вспомнила слова Мисси Мэй: «Морочили всем головы». Как и Аллентоны, ее дядя пытается заморочить голову кредиторам, притворяясь, что все хорошо.

На самом деле все очень плохо. Гинни видела доказательства этого, проходя через пустые поля, которые в это время должны зеленеть созревающим— сахарным тростником. Вокруг домиков, где раньше жили рабы, было тихо и безлюдно. Так что дядя Джервис ничего не преувеличивал. В обдуваемых ветерком кронах могучих дубов раздавался шелест — казалось, там шептались духи живших здесь раньше людей.

Гинни вспомнила, как здесь раньше справляли Рождество: папа посылал мужчинам выпивку и игрушки для детей, они с мамой раздавали женщинам сладости. В каждом домике их встречали с радостью: мама приходила сюда каждую неделю лечить больных, часто в сопровождении Гинни. Как она гордилась, стоя рядом с Амандой Маклауд, видя, что ее маму обожают все рабы от мала до велика, что они пойдут за ней в огонь и воду.

Но в ту ночь они не смогли ей помочь, подумала Гинни, и у нее сжалось сердце. И поэтому ничего не осталось от прежней жизни – ни мамы, ни рабов, ни, по сути дела, папы.

Здесь, в прохладной тени старых дубов, Гинни смогла спокойно обдумать прием, оказанный ей отцом. Больше не было смысла скрывать от себя правду. Папа так ее встретил не потому, что был в дурном настроении: он все еще винит ее за то, что произошло с мамой, и, видимо, никогда ее не простит.

По щеке Гинни скатилась слеза, но она торопливо ее смахнула, как бы услышав слова отца: «Ты член семьи Маклаудов, не смей распускать нюни».

Папа прав. Вместо того чтобы оплакивать его прием, надо постараться вернуть себе его любовь. Какой смысл без конца вспоминать прошлое, все равно его не вернешь. Лучше подумать, что можно сделать для будущего.

Гинни приободрилась. Она придумает, как спасти Розленд, и тогда папа будет ей так благодарен, что даже забудет, что мамы больше нет в живых.

Она вспомнила, что дальше по тропинке стоят хижины издольщиков-арендаторов. Когда Джон приехал в Луизиану, он поначалу сдал часть своей земли в аренду, и на эти средства купил рабов обрабатывать плантацию. А когда плантация начала приносить постоянный доход, он стал понемногу избавляться от издольщиков, отказываясь возобновлять с ними контракт. Постепенно они все разъехались кто ку-

да. Интересно, где они сейчас? – подумала Гинни. Нельзя ли уговорить кого-нибудь из них возобновить аренду?

В восторге от этой мысли, Гинни ускорила шаги. Надо посмотреть, в каком состоянии хижины арендаторов. Если домики пригодны для жилья, на деньги, полученные от арендаторов, можно начать заново обрабатывать плантацию. Правда, Гинни понятия не имела, где искать арендаторов, но разве дядя Джервис не уговаривал ее довериться мужчинам?

Полузаросшая тропинка чавкала у нее под ногами. Как это она раньше не сознавала, как близко к болоту стоят эти домики? Ребенком ей сюда никогда не разрешали ходить. «Они тебе не компания, – сказал папа, когда она спросила его, можно ли ей играть с детьми арендаторов. – Я не позволю, чтобы моя Принцесса якшалась со всякой швалью».

Гинни отмахнулась от этого воспоминания, как от назойливого кошмара, она же не собирается якшаться с этими людьми. Она просто предложит им место для жилья и землю для обработки в обмен на плату, которая так нужна Розленду. Какая важность, что эта земля расположена близко к дельте и что она сама ненавидит это болото? Ей-то не придется сюда ходить.

Тропинка повернула, и Гинни увидела хижины. Здесь тоже было сыро и все заросло болотными растениями. Ничего, упрямо подумала Гинни, найдутся люди, которым до зарезу нужна земля и которые согласятся все это расчистить.

Впереди раздалось лошадиное ржание. Что это? Неужели

здесь кто-то уже живет? Не задумываясь о том, что она одна в безлюдном месте и что в доме никто не знает, куда она ушла, Гинни поспешила вперед. Как было бы хорошо, если бы ей удалось вернуться домой не только с планом спасения Розленда, но и с договоренностью с первым арендатором!

Но тут она увидела огромного вороного жеребца и остановилась.

Это было великолепное животное. Его холеная шкура блестела в лучах заходящего солнца. Жеребец ждал у последней хижины, которая стояла на самом берегу протоки. Он не был привязан, просто стоял возле полуразрушенной, заросшей выющимися растениями хижины и бил копытом о землю, как будто призывая хозяина. Потом конь опять заржал – на этот раз приветствуя вышедшего из двери хозяина, который был одет во все черное.

У Гинни захолонуло сердце: это был «пират» из порта. Что это он везде ей попадается?

– Что вы здесь делаете? – спросила она, подходя к нему.

Он задержался на покосившемся крыльце, тоже, видимо, ошеломленный ее появлением.

– Пора нам перестать встречаться в укромных местах, моя прекрасная дама, – с ухмылкой сказал он, – а то пойдут сплетни.

– Встречаться! – Да как он смеет даже предполагать, что она пришла сюда специально, чтобы с ним увидеться! – Я не ожидала вас здесь встретить, сэр. Более того, боюсь, что

вам придется объяснять властям, что вы делаете на земле Маклаудов.

Ухмылка исчезла с его лица. Он с хмурым видом спустился по ступенькам.

– А это, мисс Маклауд, вас совершенно не касается. И направился к лошади.

– Нет, касается, – сказала она ему в спину. – Я хочу знать, зачем вы меня преследуете.

– Я вас преследую? – Он обернулся и окинул ее презрительным взглядом. – Я всегда знал, что вы избалованны и ограничены. Но, оказывается, у вас к тому же раздутое самомнение, миледи.

Гинни задохнулась от негодования.

– Да откуда такой проходимец, как вы, может что-нибудь обо мне знать? Разве что вы специально за мной шпионили.

– Должен вас разочаровать. Даже у проходимцев, Принцесса, было прошлое. – Он дернул большим пальцем в сторону хижины. – Вы, видимо, забыли, что я когда-то жил в этой хибаре?

Гинни чуть не обозвала его лжецом, как вдруг вспомнила черноволосого мальчика, сына издолыщика, который часто наблюдал за их играми. Даже тогда она была заинтригована его сумрачным вниманием.

– Так вы тот мальчик, – прошептала она. – Раф Латур!

Он отвесил ей насмешливый поклон.

– Он самый. Польщен, что вы меня наконец узнали. Гинни

покраснела, заметив упор, который он сделал на слове «наконец». Несомненно, он прав, она давно должна была бы его узнать и, наверно, узнала бы, если бы он не приводил ее в такое смущение.

– Хорошо, допустим, вы приехали сюда, движимый ностальгией, – сказала она. – Но теперь лучше уезжайте, а не то я пожалуюсь папе. Он не любит, когда в его владения забираются посторонние. Он их не очень-то жалует.

– Насколько я помню, ваш отец никого не жалует. – Латур вскочил на жеребца. – Но вам незачем бежать к нему с жалобами. У меня нет намерения лишней минуты оставаться на священной земле Маклаудов.

– Тогда зачем вы сюда явились? Что вам здесь надо?

– А что, мое присутствие вас волнует? – Он посмотрел на нее сверху вниз, и у Гинни вдруг ослабели колени. – Извините, моя прекрасная дама, но мое пребывание здесь не имеет к вам ни малейшего отношения. Я свой урок усвоил много лет тому назад. Как мне объяснили вы и ваши друзья, таким, как я, не следует зарываться.

– Не взваливайте на меня ответственность за необдуманные слова, сказанные ребенком. Да я вовсе и не имела ничего такого в виду.

Несколько секунд он глядел на нее молча, потом покачал головой.

– Может быть, на ребенка держать обиду и не стоит, но вы же по-прежнему смотрите на меня свысока.

– Вовсе нет, я не... – Решив, что оправдываться ее недостойно, Гинни нахмурилась. – Вы не имеете права так со мной разговаривать. Вы обязаны оказывать мне... то есть я привыкла, чтобы мне оказывали больше уважения. И не надо так на меня смотреть!

– Я никому не обязан оказывать уважение – его нужно заслужить. Спросите свою совесть, мисс Маклауд. Если уж говорить о том, кто кому обязан, вспомните, что за вами остался неоплаченный долг.

– Если вы говорите про тот случай...

– Вы дали обещание, резко сказал он, – и вы его нарушили. Так что перестаньте бросаться обвинениями и выдвигать требования, а то, как бы я не вздумал востребовать с вас тот долг.

С этим он прищипорил лошадь и уехал. Гинни, нахмурившись, смотрела ему вслед.

Потом повернулась и пошла домой. Она гнала от себя неприятное воспоминание об обещании, которое она нарушила и о котором ей напомнил Раф Латур. Но его не так-то просто было выбросить из головы, как и прочие неприятности, с которыми она столкнулась по возвращении домой.

Неужели Раф вернулся из-за того глупого обещания?

И каким образом, интересно, он собирается востребовать с нее долг?

Глава 5

Гинни ходила взад-вперед по комнате, дожидаясь, пока надо будет идти вниз к ужину. Поскольку у нее не было ни гардероба, ни горничной, туалет занял у нее совсем немного времени, она стянула волосы на затылке в пучок и надела свое старое полудетское платье, которое нашла в шкафу. Оно было немодным и пахло камфарой, но Гинни было все равно, как она выглядит, – ее мысли были заполнены воспоминаниями о раздражающем незнакомце.

Нет, он уже не незнакомец. Она знает его имя – Раф Латур.

Гинни сама удивлялась, почему она его сразу не узнала: его пронзительный взгляд, его враждебность должны были подсказать ей, кто этот человек. «Спросите свою совесть», – сказал он, словно предполагая, что она помнит все подробности того случая. В конце концов это было так давно. Не пора ли простить и забыть?

Однако Гинни хорошо помнила того красивого черноволосого мальчика, который издалека наблюдал за их играми в Камелот. Да, пожалуй, она не просто заметила молчаливого мальчика-креола с точеным лицом и заносчивой повадкой, даже тогда, еще совсем девочкой, она почувствовала к нему какое-то необъяснимое влечение.

– Не обращай на него внимания, – уговаривал ее Ланс,

когда в первый раз заметил, что она поглядывает на Рафа. – Кто он такой? Просто наглый мальчишка из семьи нищего издольщика.

Эти слова принесли Гинни разочарование, загадочный мальчик, оказывается, принадлежал к категории людей, которых папа называл «белой швалью». Человек, у которого нет собственной земли, не стоит ни гроша, считал Джон Маклауд. Ланс прав, этого мальчика надо игнорировать, а не то папа рассердится.

С другой стороны, Гинни видела, что ее интерес к Рафу задевает самолюбие Ланса. Уж слишком много он понимает о себе! И для Гинни стало игрой обмениваться взглядами с Рафом. Затем она даже стала ему улыбаться. Ответной улыбки она не получала, но знала, что он не спускает глаз с нее и ее товарищей по играм.

И вот однажды, рассердившись на Ланса, она назло ему пригласила Рафа принять участие в игре. Ланс был возмущен и требовал, чтобы новенький считался вассалом более мелкого калибра. Он спихивал на Рафа все наименее интересные обязанности, и тот так хорошо их выполнял, что Гинни объявила, завтра ее новый вассал будет принимать участие в турнире за рыцарское звание.

Ланс создал для него все мыслимые трудности, но Раф с легкостью прошел испытания. Ланс был взбешен и потребовал, чтобы Гинни отказалась посвящать чужака в рыцари, но она надменно напомнила ему, что королева поступает так,

как считает нужным, и повернулась к Лансу спиной. Тогда он с такой силой толкнул ее в спину, что она упала.

Ей помогли встать, но оказалось, что руку помощи ей протянул Раф. И тут же вызвал Ланса на дуэль за оскорбление королевы.

Ланс только засмеялся ему в лицо. «Еще не хватало, – сказал он, – стану я пачкать руки о белую шваль».

Тихим властным голосом Раф напомнил ему правило, Ланс должен принимать любой вызов. А победитель, по решению королевы, будет объявлен королем.

И Раф вопросительно посмотрел на Гинни. Ланс кричал, что она должна отказать наглецу, но она упрямо кивнула головой. Она хотела наказать Ланса за грубость, показать ему, что решает она, а не он. Кроме того, ей нравилась мысль, что за нее будут биться двое рыцарей.

– Вы обещаете объявить меня королем, если я одержу победу? – спросил Раф, вперив в нее настойчивый взор. – Честное слово?

Видя, как это требование разозлило Ланса, она опять кивнула. Но тут же опомнилась, услышав, как ахнули ее друзья.

Однако было уже поздно. Ланс и Раф уже размахивали палками, которые у них изображали мечи. Ее друзья окружили ее, требуя, чтобы она поддерживала Ланса. Подумай, что будет, если победит этот чужак, предупреждали ее они. Она объявит королем Бог знает кого, а их смелый, благородный Ланцелот обидится и уйдет от них. И кто тогда будет за-

щищать королевство? Нищий издолщик? Что останется от их любимой игры в Камелот?

Гинни об этом не подумала, потому что ей и в голову не приходило, что Ланс может потерпеть поражение. Он же всегда был ее героем, а Рафу с его темными волосами и мрачным взглядом больше подходит роль негодяя; которого побеждает благородный рыцарь.

Однако вскоре Раф выбил из рук Ланса палку. Когда же он отбросил свою палку и согласился продолжить бой на кулаках, у Гинни дурные предчувствия переросли в страх. Как же быть, если он победит? Королевством могли править только она с Ланцелотом. Неужели из-за небольшой размолвки их будущее будет разрушено навсегда?

Раф обрушил на Ланса шквал ударов, и тот упал на землю, побежденный. Пораженные таким исходом боя, ее друзья закричали, что какого-то чужака нельзя объявить королем. Это неслыханно, это возмутительно. Гинни должна прогнать самозванца.

Раф подошел к ней, опустился на одно колено и взял ее за руку, посвящая ей свою победу. Чувствуя на себе выжидательные взгляды друзей, Гинни поблагодарила его за защиту ее чести и протянула ему в качестве награды большое спелое яблоко.

– Мне не нужно яблоко, – Раф, растерянно глядя на нее. – Достаточно того, что я стану королем.

Другие дети засмеялись. Раф так крепко стиснул ее ру-

ку, что Гинни пришлось вырвать ее. Ланс тем временем весь в синяках и ссадинах поднялся с земли и сказал, что Раф уж слишком размечтался, кто это видел, чтобы немытого издольщика делали королем?

Раф медленно поднялся и вернул Гинни яблоко.

– Это ваше решение? – спросил он ее, впившись в нее взглядом.

А когда она кивнула, у него на лице выразилось такое разочарование, что Гинни на секунду стало нестерпимо стыдно.

– Настоящая королева держит свое слово, – сказал он, неприязненно глядя на нее. – Она не дает обещаний, которые не собирается выполнять.

С этим он и ушел. Гинни постаралась забыть эту неприятную сцену. Это ей тем более удалось, что Раф больше никогда не приходил наблюдать их игру, а вскоре ее отец избавился от всех арендаторов.

И вот пожалуйста – Раф снова объявился и напомнил ей о прошлом, которое она предпочла бы забыть, да к тому же бросил ей в лицо оскорбительные слова: «избалованная» и «ограниченная».

«Да еще не забудь про самомнение», – напомнила она себе и покраснела.

Неужели это самомнение – решить, что он преследует ее? С какой стати он вдруг оказался на земле Маклаудов? Она не так много знает о Рафе Латуре, но готова побиться об заклад,

что ему меньше всего свойственна ностальгия.

Тут раздался гонг к ужину, и Гинни встала с диванчика. «Опять я о нем думаю», – сердито сказала она себе. Словно мало всяких прочих огорчений – не хватало еще, чтобы какой-то спесивый креол испортил ей ужин!

Она спустилась в гостиную, и ей пришлось еще целый час слушать скучные разговоры. Но все скрашивало ожидание вкуснейшего «гамбо» с крабами и креветками. Наконец, когда у Эдиты-Энн иссякли скучные сентенции, а дядя Джервис с Лансом допили графин виски, Гомер объявил, что кушать подано. Гинни встала, предвкушая стряпню Лавинии.

Но, войдя в столовую под руку с Лансом, она увидела, что и здесь все совсем не похоже на те видения Розленда, которые представлялись ее воображению. Из столовой исчез элегантный дубовый гарнитур, который приобрела мама. Вместо него стоял стол из сосны, который в одиночестве казался чересчур маленьким. Его поверхность была порядком поцарапана, и на нее полагалось бы положить скатерть, но, видимо, скатерти, как и серебряные приборы и фарфоровая посуда, были проданы.

Дядя Джервис направился к стулу, который стоял у нижнего торца стола, оставив место во главе стола незанятым. Это напоминание об отсутствии папы царапнуло Гинни по сердцу. Они расселись, скрежеща стульями по полу, на котором больше не было ковра. Комната казалась темной и мрачной, и Гинни подумала, что в ней еще труднее будет вести

непринужденную беседу, чем в гостиной.

Но она тем более была настроена насладиться вкусной едой. Каков же был ее ужас, когда вместо «гамбо» она обнаружила у себя на тарелке высушенный кусок мяса и кучку вареного гороха, залитые жидким сметанным соусом.

– Что это? – спросила Гинни, не в силах скрыть разочарование.

Эдита-Энн покраснела, как свекла, потом дернула головой.

– Может, в Бостоне ты привыкла к лучшему, но мы считаем, что это вполне добротная еда и голод удовлетворяет.

– Удовлетворяет голод? – повторила Гинни, роясь на тарелке в тщетной попытке найти хотя бы одну креветку. – Это я есть не могу.

– Тогда сиди не евши.

– Девочки, не надо ссориться, – сказал дядя Джервис. – Хоть попробуй, Гинни. Эдита-Энн так старалась.

Гинни с изумлением посмотрела на кузину.

– Это твоя стряпня? Но ты же не умеешь готовить!

– Пришлось научиться. Лавиния к вечеру совсем выбивается из сил. Если мы хотим, чтобы был ужин, кому-то надо его приготовить.

«Хоть бы поучилась как следует, – с тоской подумала Гинни, глядя на тарелку. – А я-то мечтала о гамбо...»

Не сумев придумать блюду достойное название, она поднесла ко рту кусочек пережаренного мяса, сомневаясь, что

сумеет его проглотить. И вдруг в столовую вошел Гомер и объявил, что к дяде Джервису пришел посетитель и ждет в прихожей. Гинни воспользовалась этим предложением, чтобы опустить вилку.

– Но мы только что сели ужинать. Пусть ждет, – сказал дядя Джервис.

– Этот человек говорит, что у него срочное дело, – настаивал Гомер.

Сердито бормоча себе под нос, дядя Джервис встал из-за стола и вышел в дверь, которую перед ним открыл Гомер.

Эдита-Энн смотрела вслед отцу с улыбочкой на лице, а Ланс просто долил рюмку, словно такое вторжение не было чем-то из ряда вон выходящим. Гинни же распирало любопытство. Только невообразимый грубиян либо вконец отчаявшийся человек может потребовать аудиенции во время ужина.

– Ваше слово чести? – раздался в передней громкий голос. – И вы полагаете, что это меня удовлетворит?

Гинни похолодела, это был Раф Латур. Неужели он настолько пренебрег приличиями, что явился к ней домой?

– Мало ли чего вы наобещаете! – продолжал Раф обозленным голосом. – Я еще не встречал Маклауда, который выполнял бы свои обещания.

Ланс напряженно прислушивался к разговору, его тоже, видимо, беспокоило появление Латура. Гинни не удивилась враждебности Ланса. Наверно, ему было неприятно вспоми-

нать, что этот человек победил его в честном бою. Хотя тогда они были детьми, он, возможно, подозревает, что Латур не способен победить его и сейчас.

– Да кто вы такой? – возмущенно воскликнул дядя Джервис. – Как вы смеее являться ко мне в дом и разговаривать со мной таким тоном? Сейчас же убирайтесь с моей земли!

– Вашей земли? Я считал, что Розленд пока еще принадлежит вашему брату.

– Так оно и есть! – прогремел новый голос. Это был прежний, совсем не скрипучий голос папы. Гинни улыбнулась, представив себе, как съежился ее дядя, который разыгрывал из себя хозяина поместья и был пойман за руку его настоящим хозяином.

– Я все еще хозяин этого дома, сэр, – продолжал папа почти светским тоном. – Что я могу для вас сделать?

– Это сын Латура, Джон, – поспешно вмешался дядя Джервис. – Он явился сюда, чтобы устроить скандал. Иди к себе в кабинет, а я от него быстро избавлюсь. Я лучше тебя знаю, как обращаться с подобной публикой.

Эти слова резанули Гинни по уху: подобной публикой. В устах дяди Джервиса они уже не казались ей безобидными. Более того, она поняла, почему Раф воспринимал их как оскорбление.

– Повторяю, – резко сказал Джон. – Что я могу для вас сделать, сэр?

Наступила тишина. Гинни надеялась, что Раф просветит

их всех о цели своего прихода.

– У меня дело к вашему брату, – сказал он наконец. – Личное дело, которое вскоре должно разрешиться тем или иным образом. Даю вам свое слово.

Хлопнула входная дверь, и Гинни озадаченно нахмурилась. Это очень похоже на Рафа – уйти, не объяснив, зачем он приходил.

– Какой неприятный человек, – сказала она, заметив, что Ланс внимательно смотрит на нее.

– Латур – самонадеянный болван. – Ланс с хмурым лицом потянулся за рюмкой. – Он, наверно, воображает, что твой отец должен дать ему землю. Вряд ли вы помните, дорогие дамы, что его отец был здесь арендатором.

Гинни притворилась, что первый раз об этом слышит. Она считала, что Лансу ни к чему знать, что она помнит про его позорное поражение.

– Я помню его мать, – сказала Эдита-Энн. – Это была очаровательная женщина. Тетя Аманда часто говорила, как ей трудно, она только что овдовела, у нее на руках дети, и ей еще нужно искать новое жилье.

Гинни изумленно посмотрела на кузину, сама она, хотя и была на несколько лет старше ее, ничего не знала о семье Латуров. У Эдиты-Энн просто талант вынюхивать то, что никому не известно.

– Джону ничего не оставалось, как выставить Латуров, еще до смерти отца они задолжали ему арендную плату за

несколько месяцев. И как бы его жена без мужа обрабатывала землю? Никто Джона не осуждал, кроме Рафа, но этот мальчишка всегда о себе слишком много понимал. Наверно, с тех самых пор и имеет зуб на Маклаудов.

– Так он всего лишь хочет арендовать землю? – спросила Гинни, вспомнив свой план привлечь арендаторов. – Почему же дядя Джервис не соглашается? Зачем восстанавливать против себя человека, который хочет платить нам деньги?

– Что за чушь ты несешь?

В словах Ланса звучало такое пренебрежение, что Гинни некоторое время молча ковырялась в тарелке и только потом ответила:

– Я тут подумала... что, если бы мы смогли найти арендаторов, у нас были бы деньги на саженцы и на рабов и нам удалось бы возродить плантацию.

Ланс снисходительно улыбнулся.

– Не морочь себе голову делами, дорогая. Мы же сказали тебе, доверься мужчинам, и мы что-нибудь придумаем.

– Лучше поучилась бы готовить и шить, – вставила Эдита-Энн. – А дела – это не для женщин.

Гинни выпрямилась.

– А я считаю, что это совсем неплохой план. Ланс грустно покачал головой.

– Милая, твой дя... папа не захочет связываться с белой швалью. Арендной платы едва хватит на то, чтобы отремонтировать для них хижины. Да джентльмену и не подобает

жить на арендные платежи. Маклауды всегда были плантаторами, а не рантье. — Увидев, что Гинни нахмурилась, Ланс с улыбкой добавил: — Но это очень мило с твоей стороны — искать выход. Если хочешь, я поговорю с твоим дядей. Он, наверно, будет рад узнать, что ты радеешь о Розленде.

Ланс снисходительно похлопал ее по руке. Гинни внутренне кипела. Может быть, она и не до конца продумала свой план, но ей не хотелось, чтобы мужчины смеялись над ним, покуривая в кабинете после ужина.

— Нет уж, — сказала она, опять принимаясь ковыряться в тарелке. — Если ты считаешь, что это глупость, то не стоит ему и говорить.

Вдруг дверь открылась, и вошел дядя Джервис.

— Глядите, кто к нам пришел! — радостным голосом объявил он.

Вслед за ним в столовую вошел его брат.

Гинни забыла все свои планы, изумленно глядя на отца. Видимо, Джон Маклауд очень редко садился за стол с семьей: у всех был радостный вид, все старались ему угодить, хотя было очевидно, что они предпочли бы, чтобы он ужинал у себя в кабинете.

Гинни было неприятно оказаться в их числе. Она глядела, как ее отец, хромая и опираясь на трость, прошел к своему месту во главе стола. Опускаясь на стул, он чуть не сел мимо, но Гомер вовремя подsunул под него стул. Судя по тому, как ловко и быстро он это сделал, бедный слуга порядком

поднаторел в том, чтобы скрывать опьянение хозяина.

Гинни грустно взирала на незнакомца, поселившегося в теле ее отца. Ей было тяжело, когда он утром оттолкнул ее, но глядеть на него сейчас было еще тяжелее. Не притронувшись к стряпне Эдиты-Энн, он налегал на виски и непрерывно хохотал. К возмущению Гинни, дядя и не пытался его остановить. Правда, он и сам пил одну рюмку за другой.

Братья стали вспоминать прошлое. Глядя на них, можно было подумать, будто комната по-прежнему обставлена очаровательной мебелью, а неприятной сцены в прихожей просто не было и в помине. Уж не померещился ли ей угрожающий голос Рафа?

Тем временем Джон и Джервис говорили о том времени, когда братья были юношами и жили на плантации родителей в Виргинии.

– Помнишь, какие там устраивали турниры? – спросил Джервис. – Ты не представляешь, как мне было обидно, хоть из кожи лезь вон, все равно победит твой старший брат.

Джон усмехнулся, и на секунду Гинни увидела в нем такого папу, каким он был раньше.

– Смейся-смейся, Джон, но разве кто-нибудь хоть раз побил тебя на турнире?

– Да нет, такого не было, – ответил Джон, глядя в рюмку, словно в темной жидкости ему предстали видения прошлого. – Я так и уехал из Виргинии чемпионом.

– Как наш юный друг Ланс. Жаль все же, что мы больше

не устраиваем турниров в Розленде.

Джон не слушал брата.

– Помнишь последний турнир? – сказал он, видимо, весь уйдя мыслями в прошлое. – На котором я выиграл мою Аманду.

Воцарилась неловкая тишина. Так бывало всегда, когда поминали Аманду.

Но, может, это добрый признак, с надеждой подумала Гинни. Если Джон Маклауд уже может говорить о своей любимой жене, может быть, его рана начинает заживать? Может быть, он перестанет пить и даже простит свою дочь?

– Да, тот день нельзя забыть, – сказал Джервис, улыбаясь брату. – Никто не думал, что ты будешь участвовать в турнире – ты ведь уехал в Луизиану и был занят новой плантацией. Я очень рассчитывал на победу, но мне следовало бы знать, что мой старший брат ни за что не пропустит этот турнир.

– Как я мог его пропустить, когда Аманда предложила себя в жены победителю?

Гинни слышала эту историю тысячу раз, и она никогда ей не надоедала. Как это романтично, что ее папа проехал многие тысячи миль, чтобы получить в жены Аманду Мейтленд.

– До чего же она была хороша! – с горьким вздохом сказал Джервис. – Мы все готовы были сражаться за ее руку. Но если бы мы знали, что она тебе написала, многие, наверно, не стали бы и записываться на турнир. Она была уверена, что ты приедешь. И победишь.

– Да, моя Аманда знала, чего хотела. – Джон тоже вздохнул и осушил рюмку. – И добилась этого. – Он замолчал, видимо, уйдя мыслями в далекое прошлое.

– Послушай, – вдруг сказал Джервис. – Может, нам тоже устроить турнир?

Джон фыркнул и потянулся за графином.

– Да кто на него приедет? И как мы за него заплатим?

– Если бы мы предложили достойный приз, то приехали бы многие.

Все устремили взгляд на Джона. А он, не донеся рюмку до рта, непонимающе смотрел на Джервиса.

– Какую еще каверзу ты задумал, Джерв? – наконец спросил он, одним залпом осушая рюмку.

– Каверзу? – Джервис засмеялся. – Да что ты, Джон, мне просто пришло в голову, что мы соберем кучу денег, если потребуем плату за участие в турнире. Уже пять лет в нашей округе не было ничего подобного. Все захотят в нем участвовать, а мы на эти деньги поднимем Розленд.

Гинни понравилась эта мысль, и она пересказала слова Мисси Бенсон о том, как все мечтают о турнире.

– Вот видишь, – с улыбкой сказал Джервис – Всем будет интересно. А когда они узнают о главном призе, готов спорить, что от охотников отбоя не будет.

Джон приподнял бровь, забыв про рюмку. Джервис наклонился вперед, как бы стараясь заразить его своим воодушевлением.

– В конце концов, кто не захочет получить в жены красавицу Гиневру?

У Гинни похолодело внутри. Не спросив ее согласия, он собирается объявить ее главным призом?

– Нет уж, – решительно сказала она, вставая со стула. – Это все равно что... – Она вспомнила про аукцион, который она сама предложила Мисси. – Это все равно что выставить меня на продажу на аукционе и отдать тому, кто больше заплатит.

– Гинни, детка, да ничего подобного, – заверил ее дядя Джервис. – Твой папа не станет тебя приневоливать. Но если уж твоя мама согласилась выйти замуж за победителя турнира, значит, в этом нет ничего зазорного.

Он вопросительно посмотрел на брата.

Опасаясь, что отец с ним согласится, Гинни бросила на стол салфетку.

– Вся округа будет насмехаться надо мной. Я не согласна стать предметом сплетен, вот и все!

В глазах Джона мелькнула сталь. Гинни поняла, что сделала ошибку. Она узнала этот проблеск, ведь упрямство она унаследовала от отца.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что ты лучше своей мамы? – жестко спросил Джон. – Что не опустишься до того, что сделала она?

– Джон, я уверен, что Гинни не имела в виду ничего такого...

– Я пока хозяин в этом доме, – с пугающей решимостью сказал папа. – Если я приму решение провести турнир, моя дочь будет послушна моей воле. Вот и все!

У Гинни задрожали губы.

– Неужели ты так меня ненавидишь? Если это наказание за маму...

Джон тоже встал и бросил салфетку на тарелку.

– Не смей помянуть ее имя в этом доме! Ясно? Гинни чувствовала на себе злорадный взгляд Эдиты-Энн.

– Ясно?

Вздвогнув от его рыка, она кивнула.

– Вот и отлично. – Взяв графин, Джон повернулся к брату. – Пошли в кабинет, Джервис. Надо все как следует обсудить.

Он вышел из комнаты, оставив позади себя гробовую тишину. Гинни медленно опустилась на стул, чувствуя себя униженной в глазах Ланса и всех остальных.

Дядя Джервис обошел вокруг стола и обнял ее за плечи.

– Пойми, Гинни, Джону сейчас очень тяжело. Ему нужно, чтобы его дочка ему помогла. Разве ты этого не понимаешь?

Конечно, она это понимала – ее давило чувство вины.

– Да и кому о тебе сплетничать? – продолжал Джервис. – Половина Луизианы влюблена в нашу Гинеvру-Элизабет. Почему бы не устроить турнир? Мы же знаем всех холостяков в округе и знаем, что ни один не устоит против Ланса.

Ланс накрыл рукой руку Гинни.

– Ты только подумай, – продолжал Джервис, – когда вы

поженитесь, Ланс будет управлять Розлендом, а ты тут будешь хозяйкой. Что может быть лучше?

При этих словах Эдита-Энн побелела как полотно.

– А что, если Ланс не победит? – спросила она. У Ланса при этих словах сделался оскорбленный вид.

Дядя Джервис засмеялся.

– Ну что ты, доченька, кто может победить нашего Ланселота? – Он снял руку с плеч Гинни и толкнул Ланса в бок. – Поговори с ней, а я пойду успокою брата. Эдита-Энн, иди на кухню и помоги Лавинии вымыть посуду.

Гинни увидела, как ее кухня негодуяюще вспыхнула, и подумала, что она откажется. Но Эдита-Энн не смела спорить с отцом. Черная как туча, она последовала за ним из столовой.

– Он прав, – сказал Ланс, как только они вышли. – Это, наверно, мой единственный шанс получить тебя в жены.

– Но разве тебе не кажется, что это дурной тон? Я буду себя чувствовать как кусок говядины, вывешенный в грязной витрине мясника.

– Напротив. – Ланс встал рядом с ней. – По-моему, это очень романтично. Представь себе, как все будет. Съехавшие со всех краев рыцари бросаются в бой за твою руку. Другое дело, что у них нет никакой надежды победить, раз в турнире участвую я.

– Ты уверен, что всех победишь?

– Неужели ты сомневаешься?

Гинни невольно вспомнила Рафа Латура. Но это было дав-

но, в драке между детьми, да и кто сказал, что Раф примет участие в турнире? Он ненавидит Маклаудов и считает ее тщеславной, эгоистичной и ограниченной.

– Нет, я в тебе не сомневаюсь, – ответила она, но в голосе ее все же слышалась неуверенность.

– Не забывай, – сказал Ланс, – что я буду стремиться к победе как никто другой, ведь это мой единственный шанс. Неужели ты думаешь, милая, что он уплывет у меня из рук?

Он говорил с такой убежденностью, что сомневаться в нем было просто недостойно. Он просил, чтобы она верила в него, но на карту, в конце концов, была поставлена ее репутация, и она ответила:

– Не знаю, Ланс.

– Судьба дает мне эту возможность завоевать тебя, и я ее не упущу. – Ланс опустился на одно колено и взял руки Гинни, которая была тронута его явной искренностью. – Бедняжка Гинни, ты напугана, и я не могу тебя винить. Но подумай, если твой отец согласится на условия турнира, он не сможет помешать нашему браку. Ланцелот выедет на поле и завоюет свою Гиневру. А это значит, что мы с тобой станем хозяевами Розленда и осуществим все свои мечты.

Слушая его, Гинни представила себе, какое красочное зрелище будет представлять собой турнир и как это все будет романтично. Да какая еще девушка получала столь эффектное предложение руки и сердца? Глядя на дорогое знакомое лицо, Гинни почувствовала прилив любви к своему храбро-

му, верному рыцарю Лансу, который поклялся любить и защищать ее до конца своих дней.

– О Ланс, если ты уверен, что победишь...

Он поднес ее руку к своим губам и пылко проговорил: ты моя, леди Гиневра, и я буду биться насмерть с любым, кто попытается тебя отнять.

Он страстно смотрел, на нее и Гинни показалось, что он ее сейчас поцелует. Она ждала этого, надеясь, что его поцелуй изгонит из ее памяти колдовское прикосновение губ Рафа.

Но Ланс только глубоко вздохнул, поднялся на ноги и потянул ее за собой.

– Пойду скажу твоему папе и дяде, что ты согласна. Надо решить, как организовать турнир. Чем скорее я его выиграю, тем скорее мы поженимся.

Он отпустил ее руки и шагнул к двери. Гинни, до которой вдруг дошло, на что она согласилась, попыталась его удержать:

– Не уходи, Ланс. Мне страшно...

– Не бойся. – Нежно улыбаясь, он коснулся ее лба кончиками пальцев. – Я же всегда с тобой. Пусть тебе сегодня приснится наше счастливое супружество, дорогая.

С этими словами он повернулся и вышел, оставив Гинни в сомнении и страхе. Глядя ему вслед, она невольно потрогала пальцами свои губы.

Эдита-Энн стояла в темноте конюшни, опершись спиной о стенку пустого стойла. Она все еще кипела от негодова-

ния и, закончив работу на кухне, решила, что ей лучше всего спрятаться в конюшне. Поскольку за исключением кобылы, которую ее отец оставил для себя, всех породистых лошадей продали с аукциона, в конюшне Эдита-Энн могла остаться наедине с собой.

Весь ее гнев был направлен на Джервиса Маклауда. Она никому не сказала ни слова, когда он продал дорогую обстановку брата, чтобы заплатить свои собственные все возрастающие долги, но это... это предательство она не могла ему простить. Неужели отец не знает о ее чувствах к Лансу? Как же он мог предложить его Гинни на серебряном блюде?

У Эдиты-Энн загорелось лицо при воспоминании о свидании с Лансом в этом самом стойле на прошлой неделе. Он говорил, как она красива, как желанна, и она ему поверила. А когда он стал ее целовать и гладить ее грудь, она поняла, что это любовь. Папа никогда не согласится на ее брак с Лансом, но как Ланс взволновал ее своими ласками! Она, наверно, позволила бы ему потрогать не только грудь, если бы в соседнем стойле не фыркнула кобыла. Это привело ее в чувство, и она остановила Ланса – и себя. С того дня Ланс смотрит на нее знойными глазами, и она уверена, что эта сцена непременно повторится.

То есть была уверена до сегодняшнего дня.

За обедом, перехватив несколько взглядов отца в сторону Ланса, Эдита-Энн с ужасом поняла, что брак Ланса с Гинни предрешен. Ослепленный мечтой о Камелоте и воспомина-

ниями о былых подвигах, Ланс не хочет замечать, что Розленд пришел в такой же упадок, как и его собственная усадьба. Но что руководит ее отцом? Зачем ему нужно, чтобы Ланс женился на Гинни? У Эдиты-Энн не было иллюзий насчет отца. Джервис Маклауд не станет стараться, если эти старания не обещают барыша.

Вдруг дверь конюшни скрипнула, и Эдита-Энн увидела теплый огонь свечи. Вошли Джервис и Ланс. Она инстинктивно попятилась в глубину стойла. Сжавшись в комок в углу, она лихорадочно вытирала руками глаза, еще не хватало, чтобы эти двое – главные люди в ее жизни – увидели ее в слезах!

– Может, все же останешься, – говорил Джервис. – Эдита-Энн постелет тебе в комнате для гостей.

Нет, каково, сердито подумала Эдита-Энн. Он, видно, считает ее рабыней, Эдита-Энн сделай то, Эдита-Энн сделай се!

– Спасибо за приглашение, но, если вы позволите мне взять вашу кобылу, я лучше съезжу домой и вернусь утром, – с тихим смешком сказал Ланс. – Надо предупредить маму, чтобы она готовилась к отъезду из старого дома.

Отъезду? У Эдиты-Энн упало сердце. Куда они могут уехать – у них же нет денег! Бедный Ланс, подумала она, представляя, как воспримет эту новость его мать. Трудно себе представить, чтобы разборчивая леди Бафорд согласилась жить в маленьком городском домике.

– Должен признаться, – продолжал Ланс с еще одним смешком, – я не думал, что вам удастся уговорить вашего брата провести турнир.

– А почему бы и нет? Он хочет избавиться от Гинни, и к тому же он еще не понял, что ты будешь среди претендентов. Джон нарочно назначил высокую цену за участие – чтобы тебе это было не по карману. Но я разрешу тебе участвовать бесплатно. Только смотри – уговор дороже денег!

– Да, пожалуйста, забирайте Белль-Оукс, Джерв! Я с удовольствием оттуда выберусь – мне там надоело до черта – и начну жизнь сначала в Розленде.

– Что ж, начало будет неплохое – у тебя же будет твоя доля денег, вырученных за участие в турнире. Завтра я помещу в газетах объявление. Чем больше дураков раскошелится, тем богаче станем мы с тобой.

Теперь Эдита-Энн поняла, зачем ее отец устраивает брак Ланса и Гинни. Получив Белль-Оукс, он впервые в жизни завладеет собственной плантацией. А если он к тому же собирается наложить лапу на половину доходов от турнира, неудивительно, что у них с Лансом такое прекрасное настроение.

– А пока я занимаюсь турниром, – продолжал Джервис, – твоя задача – обхаживать Гинни. Тверди ей о своей любви, пока у нее голова не пойдет кругом, оболванивай ее рыцарской дребеденью, которую она так обожает. Надеюсь, это тебе по плечу?

Ланс фыркнул – очень похоже на кобылу, которую он вывел из соседнего стойла. Эдита-Энн присела на корточки, теперь ей и вовсе не хотелось быть обнаруженной.

– Да смотри побольше упражняйся, – сказал Джервис, выходя из конюшни вслед за Лансом. – Все наши планы рухнут, как карточный домик, если ты не выиграешь турнир.

Кто-то опять фыркнул. Эдита-Энн не поняла, кобыла это или Ланс. В ее голове крутились слова отца: «Все наши планы рухнут, если ты не выиграешь турнир».

Она хитро улыбнулась. До турнира еще есть время, мало ли что может случиться.

Может, она что-нибудь придумает.

Гинни сидела на диванчике у окна, поджав ноги и глядя на освещенные луной пустые поля Розленда. Ей было одиноко и страшно. После того как Ланс уехал домой, дядя Джервис долго разговаривал с ней, объясняя, как много этот турнир будет значить для будущего Розленда. Он даст деньги на саженцы, и у них впервые за много лет появится возможность восстановить благосостояние поместья. «Турнир возродит надежду, – убеждал ее дядя, – он может пробудить в твоём папе былую целеустремленность. Представь себе, что вместо бутылки он начнет полагаться на свою дочь и ее нового мужа».

Участием в турнире Гинни искупит свою вину за то, что случилось с мамой. Только так она сможет заслужить у папы прощение. Хотя Джервис не произнес таких слов вслух, это

вытекало из его доводов.

Папочка! – подумала Гинни, чувствуя, как ей стеснило дыхание.

– Аманда?

Гинни повернула голову и увидела в дверях отца. Его худая фигура вырисовывалась на фоне освещенного коридора. Черты его лица она рассмотреть не могла, они были в тени, но, увидев, как он вдруг сгорбился и навалился на трость, Гинни поняла, что он уже осознал свою ошибку. Он понял, что это его дочь, а не жена, и был так сокрушен, что Гинни хотелось заплакать. Из жалости к его утрате и своей собственной.

– Ты чересчур похожа на нее, – горько сказал он. – Так похожа, что у меня сердце разрывается, когда я тебя вижу.

– Папочка, мне тоже ее страшно не хватает, – сказала Гинни, пытаясь его утешить. Она поднялась с диванчика и хотела подойти к нему, но он уже захлопнул дверь.

Она стояла, оцепенев от горя, и глядела на закрытую дверь. Неужели папа всю жизнь будет захлопывать перед ней дверь?

«Джону сейчас тяжело, – сказал дядя Джервис. – Ему нужно, чтобы дочка ему помогла».

Закусив губу и стараясь подавить чувство обиды и вины, Гинни сказала себе, что пора перестать закрывать глаза на то, что происходит вокруг. Папа не просто в дурном настроении. Если она хочет загладить перед ним вину, если она хо-

чет ему помочь, ей остается одно – согласиться на турнир.

Кто бы ей в результате ни достался в мужа.

Глава 6

Раф Латур медленно ехал верхом вдоль протоки, мысленно обзывая себя последним дураком. После его визита к Джервису в Розленд прошло несколько дней, и только последний дурак все еще будет околачиваться в окрестностях в ожидании невозможного. Но этот дурак отчаянно нуждался в деньгах, которые ему был должен Джервис Маклауд. Без них его мечта рухнет.

Когда Джервис грубо его выгнал, Раф хотел тут же уехать. Но вечером, когда он сидел в местном кабачке за кружкой пива, к нему подошел раб из Розленда и сказал, что завтра вечером его будут ждать в таверне «Ривервью». Там он узнает нечто для себя небесполезное. Раф решил, что он ничего не потеряет, если туда съездит. Но чем ближе он подъезжал к «Ривервью», тем глупее ему казалась эта затея. Негр не сказал, кто его туда зовет. Очень может быть, что это очередная игра Гинни Маклауд.

Раф сплюнул, во рту у него был какой-то противный вкус, но воспоминания наплывали на него быстрее, чем он успевал их отгонять. «Было время, – тоскливо вспоминал он, – когда мне больше всего хотелось участвовать в ее играх».

Мальчик из бедной семьи издольщика, он с завистью и восторгом смотрел на красивый, элегантный особняк и наблюдал за необыкновенной жизнью его обитателей. По срав-

нению с лачугой, в которой жила его семья, это был волшебный дворец. В Розленде в обстановке вызывающей роскоши жили красивые беззаботные люди, там все время раздавался веселый смех. Глядя на них, Раф пришел к мысли, что богатство — это и есть счастье, а успех — это достижение финансовой независимости. И он поклялся, что сумеет добиться успеха и богатства и зажить такой же счастливой жизнью.

Раф понимал, что главным источником очарования Розленда была его хозяйка. Совсем мальчишкой он был немного влюблен в прелестную и добрую Аманду, которой стоило только войти в комнату, чтобы все, и мужчины и женщины, начали улыбаться. Она ни разу не сказала слова в сердцах, она не жалела для нуждающихся времени и денег, она приносила радость в каждый дом. Раф вспоминал, как часто Аманда навещала его больную мать, хотя ее муж был против этих визитов. Она единственная пришла проститься с ними, когда Джон Маклауд выселил Латуров со своей плантации, и принесла им на прощание большую корзинку с продовольствием.

Сейчас Гинни была по характеру больше похожа на отца, но в те годы, наблюдая за играми детей, Раф считал, что она копия Аманды. Как она была похожа на свою мать в тот день, когда предложила ему принять участие в их игре! Она казалась ему добрым ангелом, залогом осуществления всех его грез. Пригласив его в свою компанию, она как бы сказала, что различия между ними не имеют значения. Когда она

ему улыбнулась такой же теплой и светлой улыбкой, как улыбалась Аманда, он поверил, что простой издольщик может стать королем Камелота.

Но вместо короны она протянула ему яблоко.

При этом воспоминании у Рафа до сих пор жгло на душе. Она позволила ему увлечься своей мечтой, заставила изобразить из себя дурака – и в последнюю минуту отказалась от своего обещания. Как только он перестал ей быть нужным, она выкинула его из игры – и забыла о его существовании.

Раф нахмурился при мысли о надушенном клочке обшитого кружевами батиста, который лежал у него в кармане, и еще раз от души пожалел, что Гинни Маклауд опять встретилась на его пути. Одно дело – бессердечная кокетка-девчонка, а другое дело – взрослая женщина, которая должна понимать, как действуют на мужчину эти умильные взгляды. Если это она позвала его в «Ривервью», он ей объяснит, что у него нет времени на глупые игры, что не даст сделать из себя игрушку ее капризов. Нет уж, больше он ее защищать не собирается. Он не желает опять увидеть, как, отвернувшись от него, она уходит с Бафордом.

А может, это Бафорд его позвал? Раф пренебрежительно фыркнул. Он в тот вечер был в Розленде и, конечно, слышал его объяснение с Джервисом. Может, он хочет угодить Маклаудам? Эта бессовестная скотина не остановится перед тем, чтобы подстроить ему ловушку, а потом хвастаться перед друзьями своей доблестью: «Я заманил этого самонаде-

янного мужлана на край болота, а мы ему там всыпали по первое число».

Если он задумал что-нибудь в этом роде, подумал Раф, увидев таверну, то пустынное место на краю болотистой дельты очень подходит для этой цели. Таверна, казалось, притаилась среди замшелых кипарисов, как разбойник в засаде. Во время своих разъездов Раф побывал в сотнях кабачков и научился с первого взгляда узнавать подозрительный притон. Этот домишко с узкой дверью и единственным окошком вполне мог оказаться западней.

Раф слез с лошади, привязал ее к дереву так, чтобы ее не было видно из таверны, и осторожно подошел к двери. Жаль, что он не взял с собой никакого оружия. Если придется драться на кулаках, то с одним двумя он справится, но такие, как Бафорд, держатся стаей и предпочитают нападать из засады.

Раф осторожно поднялся по шатким ступенькам, открыл дверь и окинул таверну зорким взглядом. В ней было темно – свет проникал лишь через единственное запыленное окно, но ощущения угрозы у Рафа не возникло. Когда его глаза присмотрелись к полумраку, он увидел, что слева стоит десяток столиков, а в задней стене темнеет дверь. Запасный выход – может при нужде пригодиться, подумал он.

Справа вдоль стены тянулась стойка, за которой стоял толстый лысеющий человек лет тридцати пяти. Раф узнал в нем знакомого ему с детства Джема Лонгли, о котором он не пом-

нил ничего хорошего. Джем любил приставать к слабым и, как большинство ему подобных, трусил перед сильными. В честной драке его опасаться не стоило. Одно время Джем начал было приставать к сестре Рафа, но тот быстро это пресек, хорошенько его поколотив.

Беда в том, что они уже не мальчишки. Джем стал выше и шире в плечах, и справиться с ним будет не так просто. Правда, Раф тоже с тех пор возмужал. К тому же, даже если Джем до сих пор злится на него и мечтает отомстить за обиду, еще неизвестно, узнает ли он в Рафе мальчика, который его избил. Вот ведь Гинни Маклауд его не узнала.

Раф даже сам себе не хотел признаваться, как его это обидело. Он подошел к стойке и заказал кружку пива. Сумрачный, как всегда, Джем едва посмотрел на своего нового посетителя. На секунду Раф его даже невольно пожалел: жизнь в глухомани притупляет ум. Человек, лишенный воображения, желаний и надежды отсюда сбежать, наверно, давно перестал обращать на что-нибудь внимание.

Раф заплатил за пиво и сел за столик в углу, откуда ему были видны обе двери. Он оглядел присутствующих. Убогий алкаш, едва держась на ногах, навалился на стойку. В переднем углу за столиком сидел и не спеша попивал вино довольно молодой человек в пестром жилете и чистой белой рубашке. Раф безошибочно узнал в нем картежника. Он и сам потратил восемь лет жизни, разъезжая по кабакам и ища удачу за карточным столом. Вдруг повезет и он сразу разбо-

gateет?

«Ну и что с тех пор изменилось?» – спросил он сам себя. Разве он все еще не гоняется за синей птицей удачи? В таком случае что он здесь делает, предполагая, что его могут избить, и все же надеясь, что Джервис Маклауд отдаст ему карточный долг.

Как же, держи карман! Маклауд считает, что с подобной публикой нет нужды соблюдать джентльменский кодекс чести. Зачем отдавать карточный долг белой швали? Другое дело, если бы Латур тоже был землевладельцем.

Так что же я здесь делаю? Есть ведь банки. Можно взять еще кредит или хотя бы добиться отсрочки уплаты по предыдущему. Зачем трепать нервы с Маклаудами? Сколько можно терпеть унижений? Когда же я наконец пойму, что от них надо держаться подальше?

Как будто в ответ на этот вопрос дверь отворилась, и через порог ступил высокий нескладный человек. На нем была дорогая одежда, но казалось, что он одевался в темноте – так не подходили друг другу отдельные ее части по цвету и материалу. Он кивнул Джему и оглядел комнату. Взгляд его скользнул по Рафу и остановился на игроке.

– Мистер Латур? – спросил он.

Раф узнал вновь прибывшего. Это был Гамильтон Колби, который когда-то тоже принадлежал ко двору Гинни. Вот ведь интересно, Раф знает их всех, а они его – нет. Чего запоминать какого-то издолщика.

– Я Латур, – резко сказал он и допил пиво. – И я ухожу.

Джем Лонгли бросил на него злобный взгляд, а Колби изумленно вытаращил глаза. Раф прошел мимо него к двери и вышел. Теперь-то они оба его вспомнили, и, памятуя о мстительности Джема, ему лучше быстрее сматывать удочки.

– Раф, подождите, пожалуйста! – услышал он голос Колби.

– Вы, наверно, меня не помните, но...

– Я знаю, кто вы такой, Колби, – сказал Раф, оборачиваясь. Гамильтон радостно заулыбался. Теперь Раф вспомнил, что Гамильтон Колби был тихим мальчиком и держался в тени. Может, и не стоит сваливать его в одну кучу с остальными. – Только не представляю, чего вам от меня нужно.

Гамильтон поскреб лохматую шевелюру.

– Дело у меня к вам довольно странное. Меня прислали как связного. Один человек хочет с вами поговорить. Если вы поедете со мной, она будет вам очень признательна.

Что она воображает, эта Гинни Маклауд, – что его можно дергать за веревочку, как марионетку?

– Спасибо, конечно, но я отказываюсь, – сказал Раф и пошел к тому месту, где была привязана его лошадь. – У меня нет времени.

– Но это займет всего несколько минут. Она хочет вам сказать что-то важное.

– Спасибо, Гамильтон. Дальше я обойдусь без посредника. Мистер Латур, мне необходимо с вами поговорить.

Раф изумленно обернулся. Перед ним стояла вовсе не Гинни, а ее кузина Эдита-Энн. Она тоже никогда не выделялась в группе детей, игравших в Камелот, и казалась тихой мышкой, подбирившей оставленные ей Гинни крошки.

– У протоки есть что-то вроде пристани, – сказала она. Она явно нервничала: об этом свидетельствовали неуверенная улыбка и беспокойные руки. – Нас там никто не увидит.

Почему бы не пойти с ней? Наверно, у Эдиты-Энн важное дело, если эта робкая девушка решилась встретиться с ним в таком опасном месте. Нет, решил он, лучше держаться подальше от всей этой семейки.

– Извините, мисс Маклауд, но, если дело, о котором вы хотите со мной говорить, касается вашей семьи, меня это просто не интересует.

– Пожалуйста, выслушайте меня. Вам это может пойти на пользу. Разве вы не хотите, чтобы мой отец с вами расплатился?

– Вы об этом знаете? Она отвела взгляд.

– Он мне поручает то, что он называет маловажными делами. Ему они, может, и кажутся маловажными, но я узнаю очень многое. Папа об этом и не подозревает.

Раф улыбнулся. Заносчивый Джервис упустил из виду, что тем, которые не высовываются, имеет смысл уделять более пристальное внимание.

– Об отце я и хотела с вами поговорить. Пожалуйста, мистер Латур, пойдемте на пристань. Гамильтон будет карау-

лить, чтобы нам... не помешали.

Она свернула в лес, видимо, уже не сомневаясь, что Раф пойдет за ней. Он поглядел на Колби. Тот только пожал плечами. Что ж, пожалуй, он прав. Им ничего не оставалось, как последовать за мисс Маклауд. Она отлично разыграла свои карты. Теперь уже Раф не мог уйти: его разбирало любопытство.

Вскоре они дошли до полуразрушенной пристани, которая стояла далеко от протоки. Когда-то это место было под водой, но река изменила течение, и пристань оказалась посреди суши. Да, Эдита-Энн права: здесь им никто не мешает.

Она остановилась и сказала с напряженной улыбкой:

– Наверно, вы удивляетесь, к чему вся эта таинственность. Дело в том, что мне бы не хотелось, чтобы отец или его друзья услышали то, что я собираюсь вам сказать.

– О чем, собственно, идет речь, мисс Маклауд? Она минуту молча глядела ему в лицо, потом, видимо, приняв решение, вынула из сумочки листок бумаги.

– Вот о чем. Отец собирается развесить эти объявления в каждой таверне и кабачке в округе.

Раф посмотрел на черно-белый портрет Гинни Маклауд. Под ним огромными буквами было написано: «Приглашаем принять участие в турнире. Главный приз – хозяйка Розленда».

Прочитав, какую огромную сумму требуют за право уча-

ствия в турнире, Раф изумленно посмотрел на Эдиту-Энн.

Она кивнула:

– Я вижу, вы заметили, сколько берут за участие. Папа убежден, что охотников будет достаточно.

– Только не из числа приличных людей, – вслух подумал Раф. Для того чтобы расстаться с такой суммой, человек должен быть или безумно влюблен в дочь Маклауда, или безразличен к осуждению общества. В лучшем случае в турнире примут участие люди, которых лишь относительно можно причислить к высшему обществу, в худшем – авантюристы вроде него, Рафа. Жаль, что у него нет ни времени, ни таких денег. Маклауды посинели бы от злости, увидев на турнирном поле Рафа Латура.

– Ничего подобного, – возразила Эдита-Энн неожиданно жестким голосом. – Разве мы не знаем свет? Голос денег громче сплетен. Общество всегда закрывало глаза на грешки владельцев Розленда.

Совершенно справедливо, но она-то с какой стати это говорит?

– Но денег у вашего семейства сейчас не густо. Говорят, что Розленд вот-вот продадут с молотка.

Эдита-Энн пожала плечами.

– Земля у нас хорошая, дом прочный, нужно только, чтобы кто-то не поленился приложить руки. К участию в турнире привлечет не столько красота Гиневры-Элизабет, сколько перспектива завладеть всей этой пахотной землей.

– Но я не понимаю. Почему ваша семья готова отдать Розленд – не говоря уж о вашей кухне – первому встречному?

– Эта затея принесет большой барыш папе, мистер Латур. Вот и все.

Раф, которого, как ему казалось, ничто уже не могло удивить, был потрясен. Джервис собирался использовать для своего обогащения не какой-то неодушевленный предмет, даже не скот, а свою племянницу. Раф никогда не притворялся святым, но по сравнению с этим стервятником он казался себе чуть ли не ангелом. Родившись в богатой семье, получив хорошее воспитание, Джервис Маклауд всем достойным занятиям предпочел паразитизм. Он паразитировал на останках имения своего брата и не брезговал наживаться на своих родных и близких.

– Кроме того, – продолжала Эдита-Энн, – отец вовсе не собирается расставаться с Розлендом. Имение останется, так сказать, в семье, он хочет подстроить, чтобы на турнире победил Ланс Бафорд.

– Жульничать намерен, этого можно было ожидать. Раф с отвращением покачал головой. Каждый раз, когда ему казалось, что ничто уже не может усилить его презрение к этой семье, они доказывали, что он ошибался.

– Папа с Лансом вовсе не считают это жульничеством. По их выражению, они «защищают свои интересы».

– А что об этой защите думает ваша кухня?

– По-моему, она об этом не задумывается. Она всегда хо-

тела выйти замуж за Ланса. Почему бы и не таким образом?

Неужели Гинни из упрямства закрывает глаза на то, что ее ведут как тельца на заклание? Раф скомкал в ладони объявление. Его трясло от негодования, так же как много лет назад, когда Баффорд толкнул Гинни в грязь. Он был воспитан в уважении к таким старомодным понятиям, как «достоинство» и «честь». Человек обязан защищать женщину, в которую он, по его словам, влюблен. Он не имеет права подвергать ее унижению – тем более за деньги.

– Как же они собираются обеспечить Бафорду победу? Опять снотворным лошадей его соперников? Или надрезут у них подпруги?

– Нет, ничего такого они делать не собираются. Дядя заранее будет знать, кто примет участие в турнире. И на случай, если вдруг появится достойный соперник, в правила турнира внесено одно условие, о котором пока никто не знает.

– Записанное в самом низу мелким шрифтом?

– Вот именно. – С легкой улыбкой Эдита-Энн опять залезла рукой в сумку и достала правила. – Видите, здесь сказано, что в случае ничейного или спорного исхода вопрос решается единоборством соперников на копьях. Как сказал Ланс, подхватить копьём эти дурацкие кольца может всякий. Но для того чтобы усидеть на лошади, когда твой противник пытается копьём тебя с нее сбросить, требуется специальная подготовка – и всадника, и лошади. К тому времени, когда участники узнают об этом правиле, Ланс будет единствен-

ным человеком, обладающим нужными навыками, и только у него будет специально тренированная лошадь.

– Ловко придумано!

– Да, если все будет, как они задумали, он выиграет турнир. И священник их тут же обвенчает.

Свадебная церемония на турнирном поле?

– Я вижу, он позаботился о том, чтобы ваша кузина не успела передумать.

– Гиневра-Элизабет известна тем, что делает все под влиянием минуты. От нее никогда не знаешь, чего ждать. К тому же Ланс говорит, что в последнее время она стала проявлять норов.

Норов? Раф почувствовал, что у него как-то странно екнуло сердце.

– Вы же говорили, что она хочет выйти замуж за Бафорда. Эдита-Энн покачала головой.

– Чего она хочет, к делу не относится. Папа с Лансом твердо решили, что свадьба состоится сразу после турнира, и так оно и будет, если что-нибудь этому не помешает. Я знаю только одного человека, который может победить Ланса Бафорда. Это вы, мистер Латур.

– Это тоже к делу не относится. Вы сами сказали, что списками ведает ваш отец. Он не допустит моего участия.

Эдита-Энн лукаво улыбнулась.

– Это верно, но дело в том, что сделать белой список поручено мне. Папе и в голову не приходит, что от меня за-

висит, кто в конце концов там окажется.

– Но у меня нет денег... Она махнула рукой.

– Поскольку финансовая часть тоже в моем ведении, никаких денег с вас я требовать не буду. В конце концов, допустил же папа к участию в турнире Ланса.

Раф задумчиво смотрел на Эдиту-Энн. Вот бы никогда не подумал, что она так умна и решительна.

– Я смотрю, вы все продумали, мисс Маклауд. Вот только одно не учли, а вдруг я откажусь участвовать?

– С какой стати вам отказываться? Вы небогаты. Подумайте, какой приз вы можете выиграть.

Раф давно уже понял, что в этой жизни ничто не дается даром.

– Может, вам в это трудно поверить, но мне не нужен Розленд. С ним связано слишком много воспоминаний, которые я предпочел бы забыть.

– Да кто вас заставит обрабатывать плантацию, мистер Латур? Вы могли бы продать ее нам – скажем, за ту сумму, которую отец вам должен.

Ах, вот к чему она клонит! Раф пристально посмотрел на Эдиту-Энн.

– Как у вас все складно получается. Одно мне непонятно, вам-то от всего этого какая выгода?

Она отвела взгляд и прикусила губу. Ее руки опять стали теревить платье.

– Это не важно. Так согласны вы или нет?

– Наверно, нет. У меня нет склонности к интригам. Раф отвернулся, ну ее к Богу в рай!

– Подождите! – воскликнула Эдита-Энн. – Обещайте по крайней мере подумать. Вдруг поймете, что другого такого случая вам не представится.

«Нет уж», – думал Раф, пробираясь между деревьями. Выйдя на полянку, где он привязал лошадь, он увидел Колби и молча прошел мимо. Ему хотелось одного – поскорее отсюда уехать.

Раф вскочил в седло и тронул лошадь. Дурак он будет, если примет предложение Эдиты-Энн. Раньше, когда он был молодым и глупым, он, может быть, и бросился бы спасать Гинни Маклауд, как какой-нибудь стародавний рыцарь, но сейчас-то он знает, что она вовсе не хочет, чтобы ее спасали, да и не заслуживает этого.

Раф поехал по направлению к протоке. Пора возвращаться домой. Пусть Маклауды сами разбираются в своих грязных делишках – ему некогда изображать из себя героя. Какое ему дело до того, что станет с этой заносчивой королевой Гиневрой? Все равно она рано или поздно выйдет замуж за своего Ланцелота – этого предотвратить нельзя. Раф усвоил урок, который она ему преподала.

Однако он не думал об обиде, которую Гинни ему нанесла. Ему виделось ее лицо, каким оно было в тот вечер, когда он ее поцеловал: нежное, залитое румянцем и невероятно уязвимое.

– Черт бы ее побрал! – бормотал он, прищипывая коня.
– Черт бы ее побрал! Черт бы ее побрал!

За несколько дней до турнира Гинни отправилась посмотреть, как Ланс тренируется. Она надеялась, что не зря потратила три часа на туалет. Красиво одеться ей было не просто, хотя в шкафу было много платьев, которые она носила до отъезда, чистых скоро не останется совсем.

Гинни берегла платье с розочками для особого случая, и, хотя оно было ей тесновато и его кружевная кромка на подоле волочилась по земле, она решила его надеть. Ей было настоятельно необходимо очаровать Ланса, чтобы тот очаровал Лавинию. Упрямая старая служанка отказывалась стирать ее вещи. Если Ланс не сумеет ее уговорить это сделать, Гинни скоро будет совсем нечего надеть.

Как только Ланс остановил лошадь, Гинни пошла к нему через поле, крутя на плече зонтик от солнца.

– Можно считать, что ты уже чемпион, Ланс Баффорд, – сказала она. – Ты так легко подхватываешь эти кольца – не представляю, кто может тебя победить.

Ланс широко улыбнулся и слез с лошади.

– На турнире это, наверно, будет сделать потруднее.

– Но ты же победишь?

– Разумеется.

Он взял лошадь под уздцы и продолжал, все еще улыбаясь:

– Неужели ты пришла сюда в такую жару для того, чтобы похвалить мою ловкость? Пошли-ка в тень, и ты мне ска-

жешь, чему я обязан этой честью.

Гинни пошла рядом с ним.

– А почему это мне нельзя посмотреть, как ты тренируешься, Ланс Бафорд?

– Смотри, пожалуйста, тем более что ты сегодня прелестно выглядишь. Ты как-то по-новому причесалась?

Гинни вспыхнула от удовольствия.

– Да нет, – сказала она, не желая признаться, что целый час завивала волосы щипцами. – Но я тебе признательна за комплимент, особенно если учесть, что на мне старое платье. Мне скоро совсем будет нечего надеть, а Лавиния не хочет ничего стирать. Мне кажется, что она это делает мне назло. Она никогда меня особенно не жаловала. А вот ты ее мог уговорить на что угодно... – Гинни невинно похлопала ресницами. – Если бы ты ее попросил, она завтра бы перестирала все мои вещи. Ланс расправил плечи – ему явно польстили ее слова.

– Знаешь, а это мысль. Может быть, мне похлопотать за тебя?

– О Ланс, ты мой герой! – восторженно воскликнула Гинни.

Остановив лошадь около купы высоких дубов, Ланс показал на поле, где он только что тренировался.

– погоди, то ли будет на турнире! Ты только представь себе, Гинни: трубы трубят, толпа восторженно вопит, а я галопом вылетаю на поле. А потом, победив всех своих соперни-

ков, я подъеду к тебе и опущусь перед тобой на одно колено. Там, перед всеми, твой Ланцелот потребует свой приз – твою руку. И мы тут же дадим друг другу брачный обет.

Увлеченная красочным описанием турнира, Гинни вдруг опомнилась:

– Как это? Нас поженят прямо на поле?

– Но ты же говорила, что хочешь, чтобы свадьба состоялась как можно скорее.

– Нет! То есть да, конечно, но я всегда представляла себе, что свадьба состоится в церкви, что на мне будет новое белое платье, что мы позовем сотни гостей, устроим роскошный бал. Я не хочу, чтобы меня обвенчали на пыльном поле.

Ланс нахмурился, потом напряженно улыбнулся.

– Ну конечно, любимая, я тоже хочу, чтобы у нас была пышная свадьба. Но зрители-то будут ожидать, что церемония состоится на поле, не можем же мы их разочаровать. Они будут ждать, что Ланцелот и Гиневра на их глазах поклянутся друг другу в вечной любви. Пусть себе развлекутся за свои деньги.

– Да, пусть, если эта церемония будет не всерьез, только для зрителей, – согласилась Гинни и с ласковой улыбкой добавила: – Но потом-то мы устроим настоящую свадьбу?

Ланс вздохнул с облегчением.

– Ну конечно, это будет не всерьез. Но надо, чтобы никто об этом не догадался. Положись на меня – твой Ланцелот все устроит.

У Гинни было странное чувство, она вроде бы и полагалась на него, но откуда это сосущее чувство сомнения?

– Но ты ведь обязательно победишь, Ланс? – спросила она. – Дядя Джервис говорит, что в списке уже тридцать участников, но я почти никого из них не знаю, и мне ни за одного из них не хочется замуж. О Ланс, вдруг меня отдадут какому-нибудь мужлану, который ест руками и храпит во сне!

– Я же тебе обещал! Клянусь, Гиневра-Элизабет, что я тебя никому не отдам.

Он произнес эти слова с пылкостью влюбленного, но Гинни они почему-то не успокоили. Странно все же, что в глазах Ланса ей видится меньше настоящего чувства, чем она увидела в глазах Рафа в тот вечер, когда он ее поцеловал.

– Ланс, – вдруг спросила она, – почему ты меня никогда не целуешь?

Он опешил и не сразу нашелся. Потом улыбнулся со своей обычной самоуверенностью.

– Что за вопрос? Разве ты не знаешь, что я тебя слишком уважаю, чтобы скомпрометировать?

– Знаю и очень это ценю, но почему бы тебе не поцеловать меня сейчас, когда нас никто не видит? Неужели тебе не хочется ощутить вкус моих губ? Неужели тебя эта мысль не возбуждает, неужели тебе не хочется познать... колдовское упоение?

Ланс помолчал, повернулся к лошади и начал что-то по-

правлять в сбруе.

– Конечно, но только подлец станет навязывать ласки любимой женщине до брачной церемонии. Поэтому я и хочу, чтобы мы поскорее стали мужем и женой.

– Да, но...

– Скоро все произойдет, Гинни, но нам надо потерпеть. С мрачной улыбкой он взял лошадь под уздцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.